

Владислав ВЫСТАВНОЙ

ШТУКА

Владислав Выставной

Штука

«Автор»

2012

Выставной В. В.

Штука / В. В. Выставной — «Автор», 2012

Наш современник Алексей — рядовой армии столичных служащих, представитель так называемого «офисного планктона». Он планировал расстаться с жизнью из-за собственной никчёмности, но по воле случая был завербован в Клан — тайную организацию... неудачников. Алексею предстоит невозможное: из бесперспективного ничтожества превратиться в сильного духом человека, чтобы защитить последний приют слабых и отверженных. Ему поручают поиски чужака — вражеского агента, засланного в недра Клана. Медлить нельзя — диверсант может добраться до таинственной Штуки, которая поддерживает баланс в нашем жестоком мире. Безвольный и жалкий клерк должен преодолеть в себе слабака и призвать к ответу тех, кто уже всё продал и поделил.

© Выставной В. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
1	9
2	13
3	16
4	24
5	38
6	43
7	46
8	49
9	55
10	57
Часть вторая	59
1	59
2	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Владислав Выставной

Штука

Слабость – антиматерия силы
Из «Памятки Неудачника»

Самолет летит до тех пор, пока хоть один человек в это верит
А. Туполев Для служебного пользования

Один сильный всегда сильнее одного слабака. Но, видишь ли,
слабаков много.

И мы правим миром.
Автор

Пролог

Отвратительная электронная трель в ухе – от нее к глазам каждый раз подступают слезы. Похоже, созрел клиент.

Поправляю дужку микрофона у щеки, откашливаюсь в кулак. Надо казаться серьезней.

– Здравствуйте, – говорю с интонацией дипломированного психолога, – вы позвонили на телефон доверия. Слушаю вас...

В наушнике молчание. Только слышно, как натужно сопят в трубку, да еще какой-то скрип и потрескивание.

Молчать и сопеть могут долго. Тем, кто решил свести счеты с жизнью, торопиться некуда. Перед смертью, как говорится, не надышишься. А потому спокойно щелкаю кнопкой чайника. Не спеша, зачерпываю в жестянке растворимого кофе, сыплю мерзкий порошок в массивную чашку с сиськами. Она действительно с сиськами – белыми, лоснящимися с вызывающе розовыми сосками. Наследство от прежнего оператора, большого, небось, юмориста. Всем хороша керамическая грудь – только вот чашка из-за нее просто неподъемная.

Щелкает, вскипев, чайник. Рассеянно слушая тишину, лью кипяток в чашку... Та-ак, а где сахар, голуби мои?!

– Девчонки! – кричу. – Ни у кого нет сахара?

Я один здесь – парень. Считается, что работа ночного психолога не для мужиков. Только какой я там мужик – слабак я. Впрочем, об этом позже.

Бойкая чернявая Нинка ловко, как бармен вдоль стойки, посылает в мою сторону сахарницу. Та пролетает по длинному столу, вдоль которого сидят операторы, и я перехватываю ее, как вратарь шайбу.

Сахарница без сисек. Зато с выпученными глазами и с идиотскими зелеными ушами. Кому-то здесь смертельно надоела нормальная человеческая посуда.

Удобно сижу в крутящемся кресле, любуюсь ароматным паром, выющим над чашкой. В этом телефонном аду даже растворимый суррогат – верх наслаждения. И гарантия не заснуть под нудные, бессвязные разговоры.

– Але, – говорю. – Вы там еще живы?

– Жив... – силно отвечает трубка. – Но скоро меня не станет...

Меня посещает легкое разочарование. Похоже, снова холостой заход.

– А чего это вы решили расстаться с жизнью? – тихонько любопытствую, косясь на коллегу. – Хотя, конечно... Очень понимаю вас. Экономический кризис, увольнения, стрессы, все дела... Нет, вы даже по-своему правы... Ей богу – кому нужна такая жизнь?..

Дело в том, что мои методы несколько выбиваются за общепринятые рамки. Не хотелось бы шокировать милашку Нину. Уж очень близко к сердцу она принимает проблемы слабаков. Характерная черта сильной, но слишком сентиментальной женщины.

– Да, решил! – с вызовом сопит трубка, и теперь понятно, что голос – мужской. Только ломающийся в истерическом загоне.

– Очень хорошо! – говорю.

Отхлебываю кофе. Морщусь – дрянь даже с сахаром...

– А позвольте полюбопытствовать, каким способом?

– Я себе ствол в горло упер, – охотно поделился голос. – У меня пистолет. Уже курок взвел...

– В квартире один живешь? – спрашиваю деловито. – Сколько лет тебе, ковбой? Пушка чья – отцовская, небось?

– А почему вы спрашиваете?! – взвизгивает голос. – Я у последней черты, между прочим! Все – только скобу нажать – и мозги по всему потолку! И это – на вашей совести!..

Последнее произнесено с особым удовольствием. Парень любит кино в стиле Тарантино.

– Я к чему это спрашиваю, – поясняю. – Родным потом потолок отмывать, обои переклеивать. А если люстру расколшматишь? И без того времена тяжелые, а ты близких еще и ремонтом напрячь хочешь. Они ж тебе в могилу плевать будут...

– Чего?!

– Балкон есть? Вот! Иди на балкон. Башкой на перила – и валяй. Чтобы все мозги – на улицу. Там птицы склюют...

– Вы такое что несете?! – парень явно озадачен таким поворотом разговора. – Я к вам... Последний звонок, по душам напоследок, а вы...

– Еще могу посоветовать веревку... – задумчиво говорю я. – Хотя, у вас же люстра... Так вы поаккуратнее. Знаете, повешенный в гробу гораздо лучше смотрится...

– Сволочь бездушная! Тварь! Я тебя вычислю, паскуда!..

Я был готов продолжать, но трубку бросили.

Этот не застрелится. Он больше позер, чем настоящий самоубийца... А может, и застрелится – черт их знает, психопатов.

По правде говоря, мне плевать на этого придурка с пистолетом. Меня не волнует его спасение. Мне интересны настоящие жертвы. Именно поэтому я и здесь.

Я ищу слабаков. Тех, кто настолько отчаялся, что не находит в себе сил жить дальше. Такой слабак дорого стоит. Слабак класса «люкс», как шутит Хиляк.

Основная же масса слабаков принадлежит к другому, самому многочисленному классу – «ничтожество». Я – тоже «ничтожество». Потому, что не нашел в себе сил сделать последний шаг – с крыши над двенадцатым этажом. Хиляк успел-таки ухватить меня за шкирку.

Зато теперь я кое-что про себя знаю: я – ничтожество...

Снова эта мерзкая трель.

– Телефон доверия, – говорю. – Внимательно...

Вот, куда более адекватный клиент. Без лишних театральных пауз – сразу сопливая истерика:

– Я не хочу жить! Мне просто не выносимо. Ужасно, ужасно! Я руки на себя наложу!

– Ой, ли, – говорю, – так прямо ужасно?

– Да-а!.. – рыдают в трубке.

– Простите, не въезжаю – вы мужчина или женщина?

Вместо ответа – слоновий рев, от которого пищит наушник. Закрываю глаза, медленно считаю до пяти.

– И вы, и вы тоже! – всхлипывает трубка и вдруг ожесточенно выкрикивает. – Я скажу вам, скажу! Я гей! Голубой! Пидорас – вы меня понимаете?!

– Чудесно, – говорю. – Я в полнейшем восторге. Только, видите ли, это телефон доверия, а не секс по телефону...

– И как мне с этим жить? – уныло вопрошает трубка. – Он не обращает на меня внимания... Он натурал, его бабы любят. Он мне и руку подавать боится. Я вижу брезгливость на его лице... Нет, я убью себя... О, боже, я ведь боюсь крови!..

– Могу посодействовать, – говорю я, прихлебывая кофе. Сиськи упираются в подбородок – странно, но так даже удобнее пить.

– О чем вы? – перестав хныкать, спрашивают по ту сторону.

– Ну, если вы боитесь крови, могу помочь уйти бескровным способом. Хотите, я задушу вас?

– К-как?!

– Как угодно: удавкой, подушкой. Договоримся – было бы желание...

– Идио-от! Какой идио-от! Приду-урок! – протяжно орут на том конце – и отключаются.

Я даже представляю, как там озадаченно, манерно всплескивают руками. Честно говоря, не люблю геев. Я не гомофоб. Просто, как-то, не мое. Я, к примеру, и к собакам равнодушен – мне больше кошки нравятся. Знаю – не удачный пример.

Ниночка проходит мимо. Странно на меня смотрит. Услышала что-то?

Плевать. Я вообще, не очень-то верю в такой способ поисков. Большинство нормальных самоубийц уходят тихо и не думают ни о каких «телефонах доверия». Они настолько слабы, подавлены, что лишний раз набрать номер для них – тяжелее, чем просто перевалиться через перила какого-нибудь моста...

Что-то надвигается сбоку, касается меня.

Вздрагиваю. Поворачиваю голову.

Нинка. Прислонилась ко мне, руку на плечо положила. Улыбается.

Я тоже улыбаюсь. Криво, глупо. Ниночка вполне хороша собой. Я, может, даже хотел бы ее, но...

Я слабак. Я смущаюсь, краснею, вжимаю голову в плечи. И ничего не могу с собой поделать.

А Ниночка запускает длинные пальца в мои волосы, говорит что-то... Наверное, веселое. Или ласковое. Она не думает ничего «такого» – она нормальная баба, слегка потискать понравившегося паренька для нее вообще не является вопросом.

Тем более, что я никак не произвожу впечатления ничтожества. Это очень странно – какие шутки играет внешность. Все думают, что я крепкий, уверенный в себе мужик. Анимал – как называют таких в Клане.

И я даже обманывался некоторое время по поводу себя самого. Пока не услышал брошенное в лицо: «Тряпка!»

Тогда-то и решил покончить с собой. Вообще-то, сладкие мысли о самоубийстве нет-нет, да и возникали – по поводу и без повода. Даже же из-за «двойки», полученной за сочинение. Ведь это и есть главный признак слабака. Но «тряпка!», брошенное любимой девушкой, стало катализатором всех дальнейших событий. Уж и не помню, как оказался на крыше, о чем думал, глядя на детскую площадку далеко внизу...

Тогда и появился он.

Хиляк.

Он действительно так выглядит – длинный, тощий, изможденный. И движения его – нервные, неловкие, как у богомола. Уже после я подумал: так вот и маскируется за видимой неловкостью свирепый хищник.

Но тогда он сказал мне... Сказал что-то такое, отчего я вмиг передумал прыгать. Хотя острое ощущение последней черты останется со мной навсегда. Даже не знаю – благодарить ли Хиляка за спасение?

И здесь я тоже с легкой руки Хиляку. Это по его милости меня тискают симпатичная самка, которой я то ли боюсь, то ли стесняюсь, то ли хочу ее настолько, что...

Болезненная трель в наушнике – как спасение.

– Ниночка... – умоляюще смотрю снизу вверх, показываю на наушник.

Ниночка смеется, легко треплет меня за щеку, и уходит на свое место. Хищница...

– Да, – произношу чуть нервозно, все еще не оправившись от нахлынувшего набора постыдных эмоций. – Телефон доверия...

– Здравствуйте... – тихонько говорят там.

– Привет, – говорю уже более развязно.

– Вы только не подумайте, – произносит голос – несомненно, девичий. – Я и не думала умирать. Просто... Просто так надо. Так будет лучше. Вы так всем и скажите...

Сердце заводится и начинает нервно тархтеть.

Это уже на что-то похоже...

– Пойдите, – говорю. – Давайте поговорим...

– Нет-нет, – спокойно говорит девушка. – Я уже все решила. Вам позвонила просто, чтобы совесть успокоить. Если про меня будут спрашивать – никто ни в чем не виноват. Понимаете? Так всем будет лучше...

– Где вы живете? – кричу. – Адрес?!

Вскакиваю. Неловким взмахом сталкиваю кружку. Та разлетается по полу кусками керамики и брызгами остывшего кофе.

Но в наушнике – лишь частые гудки.

Теперь главное – не опоздать. Только не опоздать...

Часть первая

По ту сторону силы

1

Очень непросто выдавать себя за крутого парня.

Особенно, если на деле ты – отборнейшее ничтожество. Если все внутри тебя трясется, и любая, даже самая смехотворная, неожиданность для тебя страшнее, чем первое свидание для подростка.

Главное – войти в роль. Подхожу к зданию прокуратуры – уверенным пружинящим шагом. Ветерок треплет полы пиджака, норовит выдернуть из-за пазухи галстук. Крепкая рука держит внушительный портфель, и внимательный наблюдатель заметит дорогие часы на запястье. Весьма, весьма уважаемый образ. Его обладатель вполне может работать в этом солидном здании. Более того – может проверять и отчитывать его сотрудников.

И кому какое дело до того, что внутри этой сверкающей оболочки рыдает навзрыд перепуганный ребенок, которого за шиворот волокут к стоматологу. «Не-ехочу-у! Ма-ма! Я бо-юсь!»

Бросаю взгляд на массивную табличку – и ноги готовы в панике унести меня прочь. Только лицо становится еще более надменным и уверенным. Как фирменная крышка плохо вымытого унитаза.

Вы еще скажите: «Но так же нельзя!»

Конечно нельзя. Но мы, слабаки, так и живем. Это наша среда, наша атмосфера. Неловкость и страх – наше естественное состояние, потные ладошки – свидетельство того, что мы все еще живы.

Глядя на меня, вы и не подумаете, что я слабак. Просто не поверите. Общаясь со мной, будете чувствовать робость, почтение, возможно уважение. Не исключено, я даже вселю в вас какие-нибудь комплексы. Так будет продолжаться, пока вы не узнаете, насколько потные у меня ладони.

Я – шутка природы. Слабак, которого отчего-то принимают за супермена.

Я научился этим пользоваться, причем, довольно успешно. Правда, никуда не денешься – слабака рано или поздно раскалывают. Даже с такими внешними данными.

Но для моей работы достаточно первого впечатления.

...На проходной меня останавливает голос дежурного:

– Простите, вы к кому?

Сердце уходит в пятки, белоснежная рубашка мгновенно прилипает к спине. С этой реакцией ничего не поделаешь. Мне страшно, противно и хочется домой.

Но лицо невозмутимо, и я говорю уверенно и чуточку небрежно:

– Я к прокурору отдела по уголовным делам Мишину.

– Он...

– Да, ждет.

Дежурный набирает номер, искоса поглядывает на меня, хмурится. Видимо, пытается вспомнить, где мог меня видеть.

Всем кажется, что меня где-то видели. Не исключая, что в кино. Если бы я не был слабаком, у меня были бы неплохие шансы стать актером. Но ведь еще на экзаменах меня легко обойдут нескладные, прыщавые, но энергичные тинэйджеры.

Поправляю галстук. Знаю, как это выглядит со стороны – четко и мужественно. Наверное, как у Джеймса Бонда.

Главное не начать заикаться от страха.

Дежурный кладет трубку, сдержанно улыбается:

– Проходите. Двадцать седьмой кабинет. Вас ждут.

На одеревеневших ногах двигаюсь по коридору. Не надо думать, что я собираюсь сделать что-то совсем уж ужасное. Это мое нормальное рабочее состояние.

Стучу в дверь с номером 27. Ниже прибита металлическая табличка, гласящая, что здесь не хрен моржовый сидит, а прокурор отдела по уголовным делам Мишин.

Теперь мне совсем худо. Но отступить поздно – я вхожу.

– Здравствуйте, – из последних сил произношу я.

Но сказанное звучит приветливо и, в то же время, веско. И прокурор делает вежливый жест, приглашая меня сесть.

– Слушаю вас внимательно, – говорит он.

Для тех, кто не в курсе: в прокуратуре много, кого именуют прокурорами. Куда не ткни – все прокуроры. Среди них есть и не очень значительные фигуры. И зачастую, согласно статистике, по самым разным, порою, очень затейливым, причинам на этих местах оказываются тщедушные слабаки. Но, все-таки, они работают здесь, давят на шестеренки механизма власти. А значит, я пришел по адресу.

Склоняюсь над столом, подманиваю пальцем собеседника. Тот не еще успел сориентироваться и невольно повинуется моему жесту.

– Слушай меня внимательно, – произношу я отдельно. – И не говори, что не слышал. Ты – слабак, тряпка...

– Что?!

– Ты – ничтожество. А ну, тихо!! Молчи и не дергайся! Ты рта не раскроешь, пока я говорю. Понял?!

Человек, что сидит напротив, в ярости. Готов вскочить из-за стола, поднять крик, швырнуть в меня малахитовым пресс-папье, вытащить табельный пистолет, приказать охране стереть меня в порошок...

Но он этого не делает. Только судорожно сглатывает и, выпучив на меня глаза, медленно кивает.

Потому что он – слабак. И я это прекрасно знаю. А теперь и он знает, что я знаю. И вскоре у нас сложится полное взаимопонимание.

Мне становится немного легче. В конце-концов, наши аналитики могли и ошибиться. Не будь Мишин слабаком – мне, действительно, пришлось бы несладко.

А так он чувствует себя, примерно, как я. Только ему еще неуютнее, еще страшнее. Потому что он не понимает, что происходит. Ну, это не беда, это мы сейчас исправим.

Главное, чтобы ценный кадр не свалился с сердечным приступом...

Однако он здорово замаскировался. Не так-то просто нашему брату-слабаку пролезть в прокуратуру, занять должность с красивым названием. Обычно происходит так: другие люди – сильные, целеустремленные – пользуются нами, как строительным материалом для возведения своей служебной лестницы. Нами то и дело затыкают какие-то невидимые простым смертным дыры в системе. Используют как пешек в большой игре. Слабаки легко с этим мирятся. Потому, как вступать в открытую схватку с сильными для них равносильно самоубийству.

– Спокойно, спокойно... – улыбаюсь я, похлопываю Мишина по дрожащей руке. – У вас все будет хорошо. Даже лучше, чем можете себе представить. Ну, успокоились? Теперь поговорим...

Ставлю на стол небольшой увесистый предмет. Это метроном. Конечно, же, с небольшим секретом. Сдвигаю маятник – и приборчик начинает мерно тикать.

Все. Теперь Мишин будет слушать меня очень внимательно. И не только потому, что я умею подавлять слабаков. И не только потому, что у меня метроном Ловца.

Он будет слушать меня потому, что я принес ему надежду.

Из прокуратуры вышел совершенно измотанный. Не люблю подобные организации – просто сил нет.

Но все-таки, я доволен. Как охотник, взявший хорошего зверя.

За углом меня уже ждет потрепанный, насквозь проржавевший «Опель». Сажусь рядом с водителем, закрываю глаза.

– Ну, что? – спрашивает Хиляк.

Нервничает. Он всегда нервничает во время подобных заданий. Зачем-то поправляет стекло заднего вида, ерзает. Да и одевается он, как шпион из плохого фильма.

Что поделать – слабак, хоть и высокого ранга.

– Получилось? Не молчи только!

– Ну, что сказать... – скромно произношу я. – Прокуратура, считай, наша.

Что-то не вижу ни радости, ни одобрения на лице патрона. А ведь это мое первое серьезное задание. Ввести в Контур действующего прокурорского работника – неплохое начало для Ловца.

Хиляк действительно чем-то озабочен.

– Поехали, – говорит. – Гонец принес дурные вести...

На приборной панели, под стеклом действительно лежит маленький мятый свиток. Я скопился на Хиляка, взял бумажку, глянул. Разобрал только адрес. Прочие каракули не имеют для меня никакого смысла. Все-таки, я новичок и не слишком разбираюсь во всей этой казуистике. Сплошная секретность, доходящая порой до абсурда. Вот, скажем, зачем нам гонцы, оставляющие бумажки, когда можно просто позвонить?

Ехали молча. Вырулили на Ленинградский проспект, очень удачно проскочили, не вставив в пробку, свернули в арку большого дома вычурной сталинской постройки. Вылезли из машины, вошли в мрачный подъезд. Поднялись на лифте. Такое ощущение, что в этой кабине однажды заперли черта, и тот отчаянно пытался вырваться наружу – стены, потолок, кнопки этажей закопчены и обуглены самым варварским образом...

Хиляк не стал звонить в дверь. Вместо этого постучал витиеватой комбинацией. Дверь открыл незнакомый парень. Как скупно объяснил Хиляк – не Ловец. Из параллельной системы – Блюститель. Я никогда не сталкивался с Блюстителями. Выглядел он хмуро и впустил нас, вроде бы с неохотой. Но я знал: полномочия Хиляка позволяют многое.

В зале с лепниной на высоком потолке, со старой потрепанной мебелью, на рассохшемся паркете лежал человек. Лежал на боку, скрючившись, как от боли, и самое неприятное – уставившись перед собой широко раскрытыми глазами.

– Сам? – быстро спросил Хиляк.

Блюститель покачал головой:

– Похоже, его пытали. Следы побоев здесь, здесь...

– Отчего умер?

– Точно узнаем позже – задействуем Контур, кто там у нас при морге... Но я и так могу сказать: он умер от страха.

Хиляк присел на корточки рядом с трупом, вздохнул судорожно, закрыл глаза.

– Все мы умираем от страха... – проговорил он.

Резко поднялся, приказал мне:

– Пойдем!

– Я вызываю милицию! – бросил вслед Блюститель.

– Да, да... Как обычно, – отозвался Хиляк.

Уже в машине, совершенно сбитый с толку, спросил Хиляка:

– Кто этот человек? Почему он умер? И кто его пытал?

Хиляк скосился на меня, словно раздумывая – отвечать или нет. Сказал:

– Думаю, это снова чужак.

– Чужак убил нашего?

– Вряд ли он хотел его убить. Слабак есть слабак – просто не выдержал давления...

– Но зачем он сдался чужаку? Я ничего не понимаю...

– Тот парень, Блюстител, тоже не понимает, – медленно произнес Хиляк. – Потому, что ему не положено понимать. А ты понимать должен.

Хиляк сделал паузу и сказал, будто решившись:

– Мертвец знал... Знал, где находится Сердце.

2

Все началось с глупости. Точнее – глупость стала последней каплей.

Хотя, кто возьмется искать каплю в мерзкой струе неудач? Всем известно: сильный всегда и везде высматривает удачу. Его бьют по морде – а он улыбается, сплевывает кровь и прет вперед, на танки. Потому что у сильного впереди всегда – светлое будущее. Слабак же видит вокруг себя все, что угодно, кроме позитива. Этим мы и различаемся...

Итак, все началось с открытки. Совершенно дурацкой открытки.

Той, что я послал самому себе.

Ее просто некому было послать из Буэнос-Айреса, куда меня занесло совершенно случайным образом. С Надей я тогда уже расстался и решил, уехать куда-нибудь подальше, что называется, развеяться. Честно говоря, все равно можно было послать ей эту открытку с пестрыми видами злчного квартала Ла Бока. Настоящий мужик так бы и поступил: «мало ли, что потом будет, может, что и выгорит?»

Но слабаки любят становиться в позу.

Тогда я еще многого не знал про самого себя. А потому, наклеивая марку на картонку с экзотическими видами, был озабочен думами – мрачными и нелепыми. Иначе откуда взялась эта идея – так пошутить над самим собой?

Помню, как, сидя в открытом кафе под знойным солнцем, обтекая потом в душном ватном воздухе, щелкнул сувенирной ручкой и, тихо посмеиваясь, принялся выводить:

Дорогой друг!

Сейчас, когда ты читаешь это послание, меня уже нет в живых...

Честно говоря, вынимая из почтового ящика открытку, что тащилась через моря и океаны долгих два месяца, не думал, что она произведет на меня такое впечатление.

Но читал изрядно потертую проштампованную карточку и медленно холодел от ужаса.

Согласись, это странно: ты читаешь это письмо – а меня уже нет. Я писал самому себе, но ведь ты – это уже совсем не я... Помнишь, как в том кафе ты смеялся, воображая, как будешь все это читать потом, когда меня уже не будет?

И как? Тебе смешно?..

Смешно мне не было совершенно. Даже, несмотря на полное отсутствие логики в этом дурацком послании. Самым диким образом я купился на собственный розыгрыш! Мне действительно удалось убедить себя, что я, прежний, тот, что писал эти строки в тропическом бреду, уже умер. И получил от самого себя письмо «с того света».

Мнительность – не самое лучшее из моих качеств. При желании, наверное, я смогу убедить себя перестать дышать – не дай бог возникнет такая навязчивая идея.

В том, что я умер, нет твоей вины. Так вышло. Ты – в настоящем, я в прошлом. И еще... Ради твоего же блага – не пытайся узнать, как я покинул этот мир.

Просто постарайся прожить свою жизнь, лучше, чем я...

Стоит ли удивляться, что с этого момента я день и ночь мучался вопросом: как я, тот, что послал открытку, ушел из жизни? Где произошло разделение – меня, умершего в прошлом, и меня, живущего в настоящем?

Дошло до того, что я стал сниться сам себе в кошмарах: то стоял, мрачно, ухмыляясь, в тени каких-то развалин, то с выпученными глазами рвал себе вены авторучкой, а однажды даже принялся сам себя душить. Честно говоря, мне до сих пор интересно: что было в голове у того придурка, который перед смертью отправил мне эту идиотскую открытку? То есть, у меня в голове...

Это я с виду самоуверенный красавчик. Иногда я даже не узнаю себя в зеркале. Потому, что внутри меня – мрак, хаос, помойка из сопливых рефлексий и никому не нужного философского нытья. Сейчас уже все улеглось, но тогда...

Тогда я случайно столкнулся на улице с Надей. Не помню, о чем мы говорили. Помню только, что ныл и заискивал, теша себя какими-то иллюзиями, не понимая, что тем самым загоняю крепкий осиновый кол в остатки отношений. Похоже, она даже обрадовалась поводу легко, чуть небрежно бросить напоследок: «Тряпка...»

Это вышло особенно эффектно на фоне хорошо одетого, крепкого мужчины средних лет. Он терпеливо ждал в сторонке, насмешливо поглядывая на нас и покуривая в кулак. Он никуда не спешил, ни в чем не сомневался и, вроде бы, даже ничуть не ревновал. Уверенный в себе на сто процентов, добротный скроенный анимал. К таким, в конце-концов, уходят все женщины – как бы ты ни старался, сколько бы ты не покупал им шмоток, в какие бы страны ни возил. Чем они притягивают к себе? Видимо, больше всех прочих благ женщины ценят спокойную, размеренную силу и стабильность.

Что было после – помню лишь рваными кусками.

Вот тупо пялюсь в собственную открытку, пытаюсь разобраться, кто я: живущий здесь и сейчас, или тот, исчезнувший при загадочных обстоятельствах?

Вот бреду куда-то по вечерней улице, а прохожие с опаской поглядывают на меня, невольно уступая дорогу: видимо и с лицом у меня не все в порядке...

Вот я на крыше какой-то многоэтажки. Даже не помню, как попал сюда – все словно в горячке, и тяжело дышится... Подхожу к самому краю, смотрю вниз. Там, на крохотной детской площадке хохочут дети. Только мне не до смеха. Снова, шурясь, вглядываюсь в невнятный текст, и мне кажется, что я нашел ответ. Надо сделать всего один шаг – и увижу того себя – ушедшего чуть раньше. Он встретит меня, все разложит по полочкам – и наступит покой...

В какой-то миг понял: мне осталось совсем немного до последнего шага. Я уже готов...

– Развлекаешься? – насмешливо окликнули сзади.

Досада – первое, что я почувствовал. Ведь это так непросто – подойти к последней черте! Зачем же мне мешать?!

Вдруг отчетливо понял, что стою над пропастью, и ощутил ужас – ведь я почти уже сделал шаг!..

Отшатнулся, попятился назад, споткнулся и упал на пыльный рубероид – неуклюже, позорно. И только после этого взглянул на незнакомца.

Больше всего тот напоминал вешалку, на которую небрежно накинули мятый серый плащ до пят, да напялили широкополую шляпу. Из-за этой шляпы он сразу показался мне странным и даже загадочным – разве в наше время нормальные люди носят шляпы?

Незнакомец ухмыльнулся, неловко присел на корточки рядом со мной. Принялся разглядывать, как экзотического зверька.

Так в мою жизнь вошел Хиляк. Вместе со своей уродливой и потрясающей тайной.

– Смотрю я на тебя и удивляюсь, – сказал он. – Никогда еще не видел, чтобы слабак так здорово маскировался...

– О чем вы? – пробормотал я, медленно приходя в себя. – Кто это слабак?

– Выглядишь крутым парнем, а внутри – труха, мусор... – задумчиво сказал мой таинственный собеседник.

И я даже не обиделся. Потому, что тот сказал правду. Попал в самую точку.

Ну а потом Хиляк предложил:

– Раз ты все равно должен лежать там, на асфальте, значит, у тебя полно свободного времени? Пойдем, пройдемся. Мне кажется, нам есть, о чем поговорить...

3

...Мы ушли не так уж далеко. Устроились на маленькой железной карусели – прямо под домом, с которого я собирался спуститься со скоростью свободного падения. Детей поблизости уже не было – слишком поздно. В окнах горел свет, давая вполне сносное освещение. Меня тихо колотило – сказывался стресс, Хиляк курил, глядя в сторону.

Думаю, Хиляк – а он сразу так и представился – специально притащил меня сюда. Чтобы обстановка на меня давила. Это я потом понял, что мой неожиданный спаситель сам чувствовал себя неуютно: моя внешность действовала ему на нервы. Он привык иметь дело с обычными слабаками, чья сущность прекрасно прописана на физиономии.

– Как вы узнали, что я собираюсь прыгнуть? – спросил я.

– Долго шел за тобой, – пояснил Хиляк. – Все никак не мог поверить своей удаче.

– Удаче? – я озадаченно пожал плечами.

– Именно, – сказал Хиляк. – Такой, как ты, очень нам нужен.

– Кому – нам?

– Клану.

Я ощутил смешанное чувство интереса и разочарования. Похоже, что этот парень – псих. Но с другой стороны, он спас мне жизнь...

– Клану, значит... – мрачно проговорил я. – Вы что, в секту меня вербуете?

Хиляк захихикал и довольно мерзко. Шляпа, видимо была не по размеру – она подпрыгивала в такт содроганиям его тела.

– Не вижу ничего смешного, – сказал я и поглядел вверх: вон с того края крыши я должен был отправиться в последний полет.

Меня передернуло. Даже слегка затошнило.

– Ладно, я пошел, – стал слезать с карусели. Это было непросто: я довольно плотно уселся в маленькое железное креслице.

– Суровый мужчина! – насмешливо сказал Хиляк. – Прямо, тайный брат Джеймса Бонда. Близнец-неудачник... О, вот тебе и ник нашелся...

– Какой еще «ник»?

– Обыкновенный. У каждого в Клане есть прозвище. С этого дня нарекаю тебя Близнецом!

– Не смешно, – сказал я, и был оборван новой волной мерзкого Хилячьего смеха.

Может, он и прав, и я действительно близнец-неудачник какого-нибудь подлинного героя. Только все равно не люблю, когда мне лапшу на уши вешают. Слез с карусели, повернулся...

– Сядь! – приказал Хиляк.

Внутри похолодело. Это действительно был приказ. И я с удивлением понял, что не в силах ему противиться. Медленно вернулся на неудобное сиденье. С тоской уставился на Хиляка, ожидая продолжения.

– Теперь ты понял? – криво улыбнулся Хиляк. – Ты – слабак. Когда тебе приказывают – ты повинешься. Или прыгаешь с крыши – в знак протеста. Больше ты ни на что не способен.

Я чувствовал, как на меня накатывается волна безысходности. Хиляк видел меня насквозь. И это делало меня совершенно бессильным – при всей моей внешней уверенности.

– Расслабься, – уже мягче сказал Хиляк. – Я тоже из слабаков. Только знаю чуть больше.

– Вы умеете манипулировать людьми? – бесцветно поинтересовался я. Не столько из любопытства, сколько желая слышать собственный голос. Мне казалось, что я попал в какую-то другую реальность, что все это происходит не со мной. Может, я, действительно, прыгнул с крыши? Я мертв, а все происходящее – просто посмертные метания души...

– Людьми? – переспросил Хиляк и покачал головой. – Нет. Только слабаками. Такими, как ты.

– Почему вы все время зовете меня слабаком? – спросил я. Мне вдруг стало ужасно обидно, до слез.

Не хватало только разреветься. Но я знал, что на моем лице сейчас – презрительная улыбочка. На время она обманет кого угодно. Только не Хиляка.

Хиляк смотрел на меня одобрительно: наверное, он ждал этого вопроса.

– Потому, что все люди делятся не только на мужчин и женщин, и не только на белых и черных. Все делятся на сильных и слабых. На тех, кто лезет наверх, набивая шишки, кто хочет управлять другими, кому нужно все и сразу. И тех – кто сдался. Сразу и навсегда. Кто на всю жизнь останется исполнителем чужих решений, кому просто на роду не написано добиться хоть чего-то в этой жизни. Вот мы-то и зовемся слабаками.

– Разве вы – слабак? – не поверил я.

– Конечно, – солидно сказал Хиляк, слегка приподнимая шляпу – будто представился только что доктором юриспруденции. – Слабак – это, как клеймо. От него не избавишься, накачай хоть груды мышц. Можно быть жалким уродливым коротышкой – и при том обладать огромной жизненной силой, харизмой лидера. Наполеон, Сталин, Гитлер... Примеров тьма... А слабаки встречаются и среди хорошо сложенных, обаятельных красавчиков, вроде тебя. И, поверь мне – ничего с этим не поделаешь. Ты всегда будешь в проигрыше – так уж устроен мир...

– Но вы... Вы не похожи на слабака... – проговорил я.

Хиляк важно поднял к небу указательный палец.

– Для того-то и создан Клан, – сказал Хиляк. – Мы слабаки лишь в среде более многочисленных анималов...

– Кого?

– Анималов. Так мы называет нормальных людей – сильных и не очень. Тех, кто не родился законченным слабаком... В том-то и заключается маленькое, но светлое чудо: в среде себе подобных слабак чувствует себя совсем иначе. Ему хочется жить, бороться, побеждать – других слабаков, конечно. Среди нас появляются свои лидеры, свои успешные люди...

– Свои слабаки... – вставил я.

– Близнец! – восхищенно произнес Хиляк. – Ты все видишь в мрачном свете! Впрочем, ты прав. Есть такая категория слабаков, которые все время поглядывают в сторону намыленной петли. Между прочим – это идеальные камикадзе...

– Вы – террористическая организация? – я напрягся.

– Упаси бог! – замахал руками Хиляк. – Мы – Клан слабаков. Террор не для нас – в нем мы можем быть только исполнителями. А главное – большинство из нас очень хочет жить. И жить лучше, чем в обычном человеческом обществе. Для этого и создан Клан...

Продолжить Хиляку не дали. В нашу сторону направлялись какие-то не улыбочивые подростки. Головы накрыты капюшонами, под которыми тлели огоньки сигарет, с их стороны неслась агрессивная музыка – наверное с мобильного. В общем-то, обычные ребята, которых, я, на всякий случай предпочитаю обходить стороной. Впрочем, меня такие не трогают – спасибо «правильной» внешности.

Но Хиляк оборвал свою тираду и суетливо сполз с каруселей. Дернул меня за рукав. В этот момент он, пожалуй, вряд ли смог бы мною командовать. Я даже не успел поразиться такой перемене – просто последовал за новым знакомым.

Теперь мы в каком-то невзрачном, задымленном сигаретным дымом кафе – будто вынырнувшем из начала девяностых. Полуподвальное помещение, каменные своды, столы с грязно-

ватыми скатертями. Похоже, Хиляк здесь уже бывал. Теперь он напротив – так и сидит, не снимая дурацкой шляпы, словно боится выйти из придуманного себе образа.

Едва мы уселись, рядом возникла потасканного вида официантка. Даже не глянула на Хиляка – обращаясь исключительно ко мне, она изо всех сил старалась выглядеть милой:

– Здравствуйте, э-э... Чего-нибудь желаете? Вот, меню, пожалуйста! Как что-то выберите – дайте знать. Я буду у стойки... Может, воды, сока? Кофе?

Я неопределенно дернул плечом. Официантка, улыбаясь, попятилась к барной стойке. Под полками с нехитрым выбором напитков маячила рожа, вполне достойная заведения, – жаль, что ее не видел Родригес, когда искал образ бармена для своего кино. Поймав мой взгляд, рожа приветливо оскалилась.

Да, выпить не помешало бы...

Хиляк нервно огляделся и сказал:

– Теперь понимаешь, зачем ты нам нужен?

– Нет, – сказал я. – Не понимаю.

– Тебя все принимают за мачо.

– За кого?!

– За эдакого самоуверенного брутала. За анимала, черт возьми! Не спорь – это же очевидно! Ты нравишься женщинам – правда, тебя быстро бросают. Тебя охотно берут на работу – и сразу же стараются повесить на тебя всех собак или уволить... Что, угадал, ха-ха?

Смех у Хиляка вышел какой-то нервный.

– Вы что, досье на меня собрали?

– Просто я хорошо знаю слабаков... – загадочно сказал Хиляк и поставил на край стола, предмет, название которого я вспомнил не сразу. Только, когда послышалось негромкое, размеренное тиканье, я вспомнил, что это за предмет.

Метроном.

Я слишком много пережил за этот вечер, чтобы интересоваться странной причудой Хиляка, потому сразу же перестал обращать внимание на это ровное «так-так-так».

Взяли по чашке эспresso. Кофе оказался подстать заведению: я с сомнением глядел в чашку, не решаясь допивать до конца. Поймал себя на мысли, что продолжаю находиться в полубредовом параллельном мире. Почему я все еще сижу рядом с этим психом, который рассказывает мне небылицы, заставляет пить отвратительный кофе и дышать сигаретным дымом, который он не стесняется пускать мне в лицо? Только ли потому, что недавно остановил меня на краю пропасти?

Нет, дело в другом. Просто я вдруг почувствовал надежду.

Надежда – вот, товар, который пытается всучить мне этот мошенник. И я не только повинуюсь его непреодолимой воле.

Я хочу ему верить.

Жестом подозвал официантку, попросил коньяку. Вспомнил про местный кофе – и попросил водки. Посмотрел на Хиляка. Тот покачал головой.

Выпил пятьдесят грамм, закусил кружком деревянной колбасы. Подумал – выпил снова.

– Расскажите об этом... Клане, – попросил чуть севшим голосом.

Хиляк окинул меня долгим, задумчивым взглядом, вздохнул, словно снова приступал к важному, но изрядно поднадоевшему делу.

– Все началось давным-давно, – грустно улыбаясь, заговорил Хиляк. – Так давно, что никто и не помнит когда. Ведь сильные и слабые были всегда. И никогда у слабаков не было шансов. Но жить-то они хотели не меньше, чем те, что покрепче. И, по возможности, жить не хуже... Помнишь, как в сказано в Библии – «блаженны нищие духом»...

– Так, все-таки, религиозная секта?

– Не угадал. Просто случались в истории такие моменты, когда слабость вдруг действительно становилась силой. Ты понимаешь, о чем я?

– Первые христиане?..

– Ну, назовем это так. Там было много слабаков – ведь Он давал надежду. Он и пришел-то, прежде всего, к слабым... Но, как это всегда бывает в нашем мире, и в этом случае нас быстро потеснили сильные – просто потому, что Он любил всех, всех без исключения. Ну, и некоторое время спустя, все стало с ног на голову: посмотри – на иконах нет слабаков. Одни герои. Это, наверное, правильно – ведь слабака не заставишь гореть на костре. И пыток вынести он не в состоянии. Слабак не может произвести впечатления на толпу, понимаешь? А, значит, мы не нужны борцам за веру. Просто потому, что мы не борцы в принципе...

А потом... Потом стало еще хуже. Но, давай по порядку. Итак, где-то там, в глубине веков, слабаки додумались до одной простой вещи: нам нужно объединиться. Причем, тайно – без какого бы то ни было участия сильных. Опыт оказался настолько удачным, что Клан существует и поныне. Миллионы слабаков вместе – представляешь?!

– Миллионы? Не может быть! Как столько лет можно хранить тайну?

– А в том-то смысл замысла: не нужно ничего скрывать. Сильным просто не интересны дела слабаков – понимаешь? Нас как бы нет! Они смотрят сквозь нас, как сквозь стекло! Вот ты, ты знаешь, сколько тварей живет в земле у тебя под ногами, насколько сложна организация этой подземной жизни? Ты знаешь только: есть какие-то муравьи, мыши, кроты да черви. А как они влияют на твою жизнь?

– Но... Пример, мне кажется, несколько...

– Натянутым? Пускай! Только ведь в отличие от кротов, даже у самых законченных слабаков есть разум...

Некоторое время молчали. Чтобы переварить услышанное, пришлось хватануть еще водки. В голове уже слегка плыло.

– А, все-таки, зачем он нужен, этот Клан? Вроде клуба по интересам? Где бездарности друг с другом в шашки играют?

Хиляк криво улыбнулся:

– Ну, отчасти так и получается. Только создан Клан с другой целью. Чтобы защитить нас...

– В смысле?

– Дать шанс выжить. Я тебе скажу одну вещь, и ты прими ее как данность. Если бы не Клан – нам с тобой не жить бы в этом мире.

– Ну, по-моему, это преувеличение... – довольно развязно возразил я. Хотя что-то в душе тревожно екнуло.

Пожалуй, водки на этот раз хватит.

– Никакого преувеличения, – серьезно сказал Хиляк, и, поправил шляпу – будто это могло служить дополнительным аргументом. – Помнишь Спарту?

– Это... где хилых и некрасивых детей сбрасывали в пропасть? Но это же несерьезно...

– Еще как серьезно. В Древней Спарте нас уничтожали в младенчестве. В диких племенах мы гибнем сами собой – не доживая до совершеннолетия. Иногда это создает иллюзию – будто слабаков никто и не трогает. А зачем их трогать, если они самидохнут?

Реальная проблема начинается тогда, когда наступает цивилизация, и нас становится слишком много. Вот тогда сильные начинают нас замечать. И понимают, что не хотят тратить на нас ресурсы, кормить, одевать нас. Наше присутствие начинает попросту раздражать... Что интересно, общество очень стыдится говорить прямо – «слабаки». Обычно нас сваливают в одну кучу с другими «врагами общества». Так уж вышло – мы всегда первыми попадали под раздачу.

Когда-то нами занималась инквизиция. Почему колдуны, ведьмы, те, кого почем зря объявляли еретиками, не могли за себя постоять? Да в том-то и фокус – большая часть из них – наши несчастные собратья.

– А как же Джордано Бруно? – блеснул я, уже не вполне ровным голосом.

– Вот именно! Запомнили только сильных. Остальные просто удобрили почву собственной плотью... Потом, много позже, явился Гитлер – и, сам знаешь, все повторилось по старому сценарию. Вспомнили даже Спарту – нас стали убивать во младенчестве...

– Да, очень похоже... – поразился я.

Я был готов поражаться чему угодно – ведь рядом тикал метроном Ловца.

– Такова наша печальная судьба. Вся историю человечества, вольно или невольно, анималы боролись со слабачками.

– Зачем же бороться с нами? Что мы можем сделать сильным?

– Я рад, что ты, наконец, сказал это – «мы»! Как ты не понимаешь? Сам факт нашего существования вызывает неприятие сильных. Мы настолько отличаемся от анималов даже по собственному мироощущению, что давно уже выделились в отдельный вид. Мы так мозолим глаза, что нас хотят уничтожить с совершенно непосредственным, детским садизмом. Знаешь, как животные, или, что уж там – обыкновенные дети – затравливают слабого?!

Меня передернуло. Картинка складывалась жутковатая. Снова захотелось водки.

– Конечно, не каждый сильный – наш враг, – сказал Хиляк, ковыряясь ложечкой в остатках кофе на дне чашки. – И среди великих были те, кто обращал на нас внимание, жалел нас. Взять, к примеру, «Шинель» Гоголя...

– «Мы все вышли из гоголевской „Шинели“» – глупо хохотнул я и осекся. – Что? Вы это серьезно?!

– Вполне. Это же настоящий гимн слабому человеку!

– Какой же там гимн? Одни слезы, муки, унижение и жалость...

Хиляк усмехнулся, склонил голову на бок и сказал поучительно:

– Вот именно! Жалость! Я сейчас раскрою тебе наш главный секрет...

– Не рано ли мне секреты раскрывать? – усомнился я. – Вдруг, я что-то выдам?

– Не выдашь! – уверенно сказал Хиляк, и я с удивлением понял, что он прав. Не выдам я секрета. Конечно, если бить не будут...

Хиляк склонился над столом, поманил меня пальцем. Я приблизился к собеседнику, наверное, обдав того перегаром. Хиляк же сказал негромко, но очень отчетливо:

– Жалость – это самый ценный ресурс слабачки. В жалости – вся его сила! Ты меня понимаешь? И сила эта колоссальна! Надо всего лишь научиться эффективно ее применять.

– Жалость?!

– Именно.

– Звучит... странно...

– Если подумать – не так уж и странно. Вспомни: юродивые на Руси испокон веков имели большой авторитет. Конечно, власть эта отличалась от власти сильных. Она настолько выше, что ее невозможно познать при помощи рассудка. Интеллект – удел сильных, умникам никогда не понять нас... А шуты при королях? Знаешь ли ты, какое влияние оказывали на власть имущих всякие смешные уродцы?

– Но ведь и шуты могли быть сильными...

– По всякому бывало. Но вот юродивые – это идеальные слабачки. Сдавшиеся, опустившиеся – и обретшие тем самым новый уровень свободы и силы. На этом пути мы идем, словно по лезвию бритвы – между пропастью окончательного безумия и физической гибели.

– А у нас, в Клане есть такие – идеальные слабачки?

– Хиляк тихо захихикал, надвинул шляпу на лоб и сказал с удовольствием:

– Друг мой Близнец, ты не перестаешь меня удивлять! То отбрыкиваешься от меня руками и ногами, то вот так, сразу, становишься «своим». Погоди, в Клан еще надо вступить, а это отдельная история... Впрочем, времени у нас мало, потому... Да, у нас есть те, кого я назвал идеальными слабаками. Мы ими очень дорожим. Некоторых прячем...

– Это еще зачем?

Хиляк тяжело вздохнул, нахмурился.

– Против нас идет необъявленная война. В древнем мире мы были просто рабами. Хотя некоторые из нас умудрялись держать рабов собственных... Потом все усложнилось до крайности. Нас смешивали то с целыми народами-изгоями, то обзывали еретиками, то одержимыми, а порой – просто никчемными, не заслуживающими собственного куска хлеба. Ведь от нас, слабаков действительно мало толку. А если толк и есть – мы не в силах убедить сильных...

Так уж повелось, что мы избрали собственный путь. И, надо сказать, преуспели...

То, чего у нас с избытком – так это постоянное унижение. Унижение рождает жалость – друг к другу, к самим себе... Когда уровень жалости зашкаливает – даже анималам становится неуютно. Они не переносят откровенных страданий рядом. Потому больных, немощных, просто слабых всегда старались изолировать от «нормальных» людей. Хорошо, если нас просто изгоняли. Про Спарту уже говорили. Это вообще, идеальный пример полного подавления слабаков анималами. И это до сих пор – одна из самых отвратительных и живучих идей.

Но дело-то в том, что слабаки неистребимы. Как, скажем, тень от солнца. Пока существует сила – есть противопоставленная ей слабость. Всегда один сильнее другого, и равенство здесь невозможно. Если хочешь, слабость – это аннигиляция силы.

И мы бы жили в постоянном страхе, в ежечасном ожидании истребления, если бы не Клан.

– Так чем же вы там занимаетесь, никак не пойму... – я медленно качал тяжелеющей головой. С пониманием, действительно, начинались проблемы. Сделал неловкий жест официантке. Ткнул пальцем в пустую чашку. Принесли кофе. На этот раз его вкуса я вообще не почувствовал.

– Я же говорил тебе, – донеслось откуда-то издалека. – Мы просто живем. И правим миром.

– Круто... – сказал я и тихо засмеялся.

Хиляк, похоже, ничуть не смутился и продолжил свой странный рассказ.

– Один древний – предполагаю, какой-то античный или там, средневековый, алхимик – научился сублимировать чувства...

– Стоп-стоп... – я снова помотал головой, похлопал себя по щекам. – Это как это – сублимировать?

– Выделять. Концентрировать. Отделять от человека. Например – выделять чистую радость. Или горе.

– Seriously?

– По поводу этих чувств ничего не знаю – это к примеру... Древний мудрец хотел помочь именно слабакам. А возможно, преследовал и иные цели. Так или иначе – ему удалось сублимировать жалость.

– Нормально... Это как – в пробирку поместить?

– Узнаешь – всему свое время. Суть не в этом. Просто с помощью концентрата жалости можно управлять сильными.

– Объясните дураку... Что же могут нам дать какие-то жалостливые сопли?

– Что могут дать? А все! Все, что позволяет слабым и беззащитным жить на этой планете! Например – бесплатные школы, сиротские приюты, пособия по безработице, пенсии... Законность – вялая, подлая, но все-таки...

– Это что же – все, благодаря нытью слабаков?! – наверное, в этот момент я немного протрезвел. Не каждый день услышишь такие откровения.

Хиляк презрительно хмыкнул:

– А ты думал – эти хищники просто так делятся своей властью?! От чистоты душевной – отрывают от себя, любимых то, что можно запросто положить в карман? Неужели ты всерьез веришь в это?!

– Но... – я растерялся. – Даже не знаю... Звучит как то нереально...

– Нереально то, что слабаки могут безнаказанно ходить по улицам. Да ты только подумай: ведь любой анимал может наброситься, убить, замучить, изуродовать всякого из нас любой момент! Как они и поступают с беззащитными животными на своих любимых охотах и рыбалках – просто так, из развлечения! И с нами не делают подобного вовсе не из страха наказания! Труп, к примеру, можно спрятать, следы замести. А сильнее страха наказания – наслаждение собственным превосходством: без этого нет настоящей силы!

– Что же тогда? Мораль?

– Мораль... А откуда она взялась, эта твоя мораль?! Кто ее придумал? Чингисхан? Гитлер?

– Вы хотите сказать...

– Да, да! Мораль, нравственность – самые гениальное изобретение слабаков – задолго до появления Клана! Мораль взлелеяна слабаками! Она – наша защитная окраска. Как у хамелеона. И теперь философы из числа сильных считают, будто они все это сочинили! Просто смешно! На чем же, скажи, эта мораль, держится, что заставляет людей становиться лучше?!

– Наверное, прогресс?

– Прогресс... Ха-ха! Самое удивительное и самое распространенное заблуждение! Прогресс движется исключительно жадой наживы! Сделать побольше за меньшую цену! Меньше работать – больше наслаждаться! И еще – война, любимое развлечение анималов – вот, что движет прогрессом! Прогресс – игрушка анималов! Прогресс – вне слабаков, его делают умные, горячие, расчетливые... А мы висим жалким грузом, и нас не стряхнули еще только потому, что есть Клан!

Человечеству просто некуда деться от своих слабаков! А потому сильные строят дома презрения – и думают, что это они, анималы, хотят пригреть немощных. Вранье! Сильные хотят хапать, карабкаться к власти, жрать и размножаться до потери пульса!

А мы, слабаки, ничтожества, никчемный человеческий материал, заставляем человечество почувствовать себя хоть чуточку человечнее...

– Жалостью?

– Да. Своей жалостью, унижением, своими ничтожеством... Мы собираем жалость по крупицам, направляем ее в нужные точки – и сильным становится невыносимо смотреть на нас, им становится сложнее причинить нам боль. Они начинают, нехотя, отвлекать ресурсы от войн и других дорогих развлечений – чтобы повысить пенсию старушкам и инвалидам...

– Но ведь слабаки – это не только старушки, – я пожал плечами... – Видал я некоторых старушек – ого-го...

– Но если бы не мы – жалости не осталось бы и вовсе, – грустно сказал Хиляк. Все, что мы умеем делать – это страдать. А раз так – страдать надо на всю катушку.

– Звучит ужасно...

– Ты не понимаешь. Впрочем, у тебя будет время, чтобы понять...

В голове стоял туман, как над утренним болотом. Я окончательно потерял связь с действительностью. Снова наткнулся на взгляд бармена. Тот пялился на меня и улыбался.

Мне стало не по себе. Медленно повернул голову.

Это, наверное, паранойя – немногие посетители этого заведения, все, как один смотрят в нашу сторону.

– Кхе... Гм... – я с сомнением поглядел на Хиляка. – Мы не слишком привлекаем внимание?

– Ничего страшного, – улыбнулся Хиляк. – Они привыкли.
На фоне невнятного гула кафе тихо постукивал метроном.

4

Я проснулся от звонка в дверь. Тихонько сполз с дивана, поддернул сползающие трусы, на цыпочках прошел в прихожую.

Глянул в глазок. Черт, спросонья глаза отказываются наводить резкость.

Накинул цепочку, приоткрыл дверь. И даже не удивился, увидев на пороге унылого, мешковато одетого паренька лет семнадцати. Он молча протянул мне маленькую бумажную трубочку.

Это микро-свиток. Клан не пользуется телефонной связью: у него есть гонцы. Это не столь мобильно, зато дополнительная страховка – чтобы оставаться невидимыми на фоне буйного развития цивилизации.

Бегло пробежал взглядом мелкий скупой текст. Протер заспанные глаза – и прочитал снова. Пробормотал:

– Угу... Понятно... На словах ничего не просили передать?

Паренек значительно коснулся пальцем уха.

Немой. Значит, сообщению придается особая важность.

Прочел снова, мысленно повторил информацию.

Вернул свиток пареньку. Тот, не отводя от меня взгляда, отправил хрустящий пергамент прямиком в рот. И с тем же унылым выражением проглотил, даже не разжевав толком.

Право же, забавное зрелище. Только смеяться нельзя: этот мальчишка обрел смысл жизни в своей странной работе. И это неплохое начало карьеры для безнадёжного слабака, к тому же придавленного немотой.

Осторожно прикрыл дверь, прошел на кухню. Настроение было безнадежно испорчено – вся надежда на чашку крепкого кофе. Налил воды в чайник, включил. Уставился в окно, облокотившись на подоконник.

Унылый осенний двор. Унылые люди, спешащие на унылую работу. Только нам унывать некогда...

– Кто приходил?

У Тома редкий талант – неслышно подкрадываться сзади. Живем вместе уже месяц – а я все никак не привыкну.

– Да так, ничего особенного... – проговорил я, оборачиваясь.

Ее руки уже тянулись, чтобы обнять меня. Красивые, нежные руки... Только я нарочно не смотрел на них – чтобы не видеть жутких багровых рубцов. Черт, надо заставить ее сделать «пластику» – раз и навсегда избавиться от этих «заметок на память».

Да, она резала себе вены. И, наверное, именно я спас ее. Станный случай. Предпочитаю думать, что это судьба. Хотя бы потому, что так оно и есть. Я тогда проходил очередное испытание перед инициацией, работал в одном из «телефонов доверия».

И позвонила она.

Почему-то я сразу понял, что девушка на том конце провода не шутила. И так быстро я еще никогда не бегал. Вообще-то, за спасение отчаявшихся слабаков у нас отвечают Ловцы – тогда у меня не было этого звания. Но все равно, я успел раньше. Хорошо, что порезы были не слишком умелыми – некоторые просто выковыривают вены и кромсают их в лапшу...

Тогда я просто выполнял свою работу и думал, что спас еще одного отчаявшегося слабака.

Но, оказалось, нашел нечто большее.

– Ну, раз ничего особенного, значит, так оно и есть, мой ковбой, – она притворно вздохнула и поцеловала меня.

Нет, так из мужика можно просто веревки вить. Наверное, у меня, сейчас совершенно идиотское выражение лица. Или, черт его знает, мою странную натуру – сверкающий взгляд кинолюбownika...

Это в нормальной человеческой среде она чувствовала себя никому не нужной, потерянной. Но мы – два сапога пара. И теперь в моем доме она – полновластная повелительница.

– Деша пришла, – говорю. – Из центра. Алекс-Юстасу. На ковер вызывают.

– Ого, – она делает огромные глаза. – Значит, надо ехать. Форма одежды – парадная?

У нее такие глубокие глаза... Просто поразительно, что у какой-то сволочи хватило совести довести ее до последней черты.

– Форма свободная, – улыбаюсь. – Чрезмерного пафоса могут не понять. Тем более, не знаю, чего от меня хотят...

То, что меня вызвали «на смотрины» к самому Владыке, несколько не радует, но и не является сюрпризом. Во-первых, меня давно уже ничего особо не радует. А во-вторых, я терпеть не могу всякого рода начальство. Пусть оно даже родом из слабаков. А, может, как раз это, напротив именно поэтому. Ну, и в третьих, настораживает такое вопиющее нарушение иерархии.

Я давно подозревал, что от меня хотят чего-то особенного. Чего-то большего, чем от других слабаков. Меня слишком быстро ввели в Клан. Слишком быстро стали поручать серьезные задания – будто торопились поскорее проверить меня, обкатать, как новенькую «иномарку»...

Конечно, с дисциплиной у слабаков обстоит хуже, чем в организациях сильных. Хотя, возможно, здесь просто принцип такой – неряшливости, ватности, размазанности – чтобы не было за что ухватиться. Ведь известно, что Клан распространяет свое влияние по всему миру, за исключением, пожалуй, совсем уж черной Африки и прочих джунглей. Не случайно там до сих пор всюду продолжают резать и жрать друг друга. Но вот четкого взаимодействия у национальных ветвей нет и никогда не было. Наверное, это правильно. Хотя, скорее всего, я просто ничего толком не знаю. Слишком уж смехотворный у меня допуск...

– Ты вернешься сегодня? – дрогнувшим голосом спросила Тома.

Я дернул плечом:

– Кто его знает?

– Тогда позвони, ладно? Ах, да... – она развела руками.

Очень нелегко привыкнуть к тому, что можно собираться в дальний путь без мобильного телефона. Просто удивительно, как эта привычка – всюду таскать с собой мобильник – въелась в нашу сущность. Лично я до сих пор чувствую себя неуютно с чересчур легкими карманами. Но правила есть правила – с телефоном в Обитель нельзя.

– Пришлю письмо, – это такая штука.

– Люблю тебя! – вскрикнула Тома, повиснув у меня на шее. Я невольно подумал – нет ли дома, не дай бог, каких-нибудь опасных таблеток.

Прочь дурацкие мысли, прочь!

Быстро собрался, подошел к двери. Замер, вспомнив...

– Забыл что-то? – спросила Тома. Она стояла в коридоре, прислонившись к стенке плечом, смотрела на меня каким-то жалобным взглядом.

– Да так... – пробормотал я, хлопая себя по карманам.

Нет, не забыл. Она на месте.

То, о чем не говорят даже любимой девушке. Мой странный талисман – открытка от самого себя...

У каждого слабака свой набор слабостей. Это моя: я всегда ношу с собой эту чертову открытку. Но это – между нами...

Мой путь мой лежит через Казанский вокзал. Потом электричка – и прочь из мегаполиса, где властвуют зубастые анималы.

Вообще, слабаки могли бы обосноваться и в городе. Простая логика говорит в пользу этого варианта. Но спросите какого-нибудь негра... пардон... Ну, этого, афро-африканца спросите, где ему лучше – в заснеженной Сибири или на солнечном пляже?

Серость, убогость и брезгливость окружающих – вот принцип, на котором строится незаметность и вездесущность Клана.

...В электричке удалось немного вздремнуть. Все-таки, гонец поднял меня слишком рано. Поначалу, конечно, беспокоили мысли о предстоящей встрече. Терзаемый предположениями и сомнениями, ерзал на жестком сиденье. Но потом незаметно отключился.

И едва не проехал нужную станцию.

Электричка уже стояла, когда я открыл глаза, сообразил, что к чему – и бросился к дверям, расталкивая тех, кто только что зашел в вагон. От кого-то даже получил ощутимый тычок в спину, сопровождаемый злым криком:

– Куда прешь, баран?! Сейчас я тебе...

Что собирался преподнести мне словоохотливый незнакомец, я не узнал. Двери мерзко зашипели, больно ударили по плечам. Но выскочить я, все-таки, успел.

Постоял немного на платформе, ошалело оглядываясь и восстанавливая душевное равновесие. Жутко не люблю подобные стрессы. А еще предстоящая встреча...

Подумал – и достал из кармана куртки открытку.

Я часто перечитываю ее в минуты сомнений. Это вроде ритуала: как бы подтверждаю сам себе, что все еще жив. В отличие от того, кто ее мне послал.

Осмотрелся, пытаюсь сориентироваться. Гонец принес мне адрес и примерный путь. Но я до сих пор с трудом представлял себе, как может выглядеть Обитель Клана. Говорить об этом у нас не принято. Хотел как-то у Хиляка спросить – он, как никак, иерарх первого уровня – выше только Держатели, да сам Владыка. Но в повседневной суете как-то не до полумифической Обители. Честно говоря, я не очень-то в нее верил.

Клан здорово маскируется. Начать с того, что он не имеет собственной структуры. Точнее, структура его в точности повторяет контуры того, что создали сильные.

То есть, вы, нормальные люди.

Никого не удивляет то обстоятельство, что в каждой организации – государственной ли, частной – есть свои слабаки. Более того – собственные слабаки имеются и в силовых структурах, и даже в совсем уж секретных ведомствах. Это, если хотите, закон жизни.

Клан занимается тем, что отыскивает эти «слабые звенья» везде, где только может. Ловцы – вроде Хиляка или меня – берут слабаков «за жабры». Меня научили кое-каким секретам – как, например, заставить слабака повиноваться полностью и без оглядки. Это несложно, если знаешь, что перед тобой – действительно подлинное, прирожденное ничтожество. И еще нам помогают чудесные загадочные вещицы, вроде ловцового метронома. Что еще есть в арсенале Клана, известно немногим. А, попав в руки сильным, предметы эти становятся обычным хламом. Как и почему это происходит, никто не удосужился мне объяснить. Говорят, слишком зелен.

Вот так мы и цепляемся ко всем звеньям власти и бизнеса, словно тщательно обводим их по контуру. Вся эта сеть так и зовется – Контур. Клан незримо обволакивает все и вся. Его как бы нет, он незаметен, как незаметны все эти мелкие сошки в бесчисленных учреждениях. Контур – будто прозрачный налет на зубах – медленно, но неуклонно разъедает систему сильных. В наших, разумеется, интересах.

Вы, может, подумаете, что мы – вроде паразитов, присосались к наиболее активной части человечества. Но с тем же успехом паразитом можно назвать ковбоя, оседлавшего лошадь.

Мы вас используем – не более того и не менее...

Все это я узнал от Хиляка. И склонен думать, что он был даже чрезмерно окровенен. Я до сих пор не знаю всех секретов Клана – но не пропадает ощущение, словно меня стараются побыстрее научить плавать – просто сбросив в воду увесистым пинком.

И от такого доверия становится как-то не по себе.

Только, вот, мне уже не сбежать, не скрыться: Хиляк заразил меня всем этим сумасшествием. Чуть позже я узнал странную и страшноватую вещь: если Ловец спасает слабака – взамен на жизнь тот навсегда попадает в эмоциональную зависимость, словно становится его рабом. На этом и держится Клан, это его скелет – с самой верхушки и до низу. Именно потому Ловцы – его элита, его стража, его дряблые мышцы. Это еще одна тайна Клана и, надо думать, не последняя.

Так что я просто так, из прихоти, не могу бросить Клан.

И, честно говоря, не хочу. Клан дал мне кое-что такое, чего у меня в жизни не было никогда.

Уверенность.

Странно, но в окружении слабаков я действительно почувствую себя куда живее, чем среди «нормальных» людей. Возможно, дело тут в элементарном принципе – «все познается в сравнении». Но уже с самого начала мне думалось: не так все просто.

Довольно долго я брел по дороге, старой, неухоженной, покрытой поперечными трещинами, словно гигантский ленточный червь, ползущий сквозь лесные заросли. Я даже начал сомневаться – правильно ли понял текст послания – когда уткнулся в массивные железные ворота. Надо полагать, ворота были некогда крашены масляной краской. Теперь та потеряла определенный цвет, вздулась, обнажила многочисленные ржавые язвочки. Кривые створы несколько украшали граффити сомнительного содержания.

В одну и другую стороны от ворот уходил забор из граненых бетонных плит. Основание ограды тонуло в неряшливых зарослях кустарника, так что пути ни вправо, ни влево не наблюдалось. Я задрал голову и невольно хмыкнул:

– Ну, надо же!

Над воротами дугой изгибалась железная табличка с выцветшей надписью:

Пионерский лагерь
БУРЕВЕСТНИК

Еще выше была приварена фигурка альбатроса с облезлыми и погнутыми крыльями.

Надо полагать, это и есть Обитель.

А чего я ожидал увидеть? Средневековый замок? Линию Мажино с противотанковыми крестами, окопами и минными полями вокруг? Бункер под бетонным колпаком?

Клан и здесь следовал собственной логике. Зброшенный пионерский лагерь продолжает оставаться лагерем в первоначальном смысле слова – укреплением, укрытием. И при том никому особо не мозолит глаза.

Я рассмеялся. Наверное, нервы.

Однако нужно как-то попасть вовнутрь. Калитки, которой полагается быть рядом с воротами, нет, будки сторожа – тоже... Попробовал толкнуть ворота – те скрипели, обманчиво подавались, но и не думали открываться.

– Эй, кто-нибудь! – крикнул я. – Откройте, свои!

В ответ раздраженно каркнула ворона.

– Да как же вы вовнутрь попадаете, ешкин кот?! – пробормотал я, упершись потным лбом в корявое железо. – Через забор лазите? Тоже мне – пригласили в гости!

Перед глазами издевательски маячило выведенное краской из баллончика неприличное слово.

Видимо, ничего не оставалось, как, действительно, заняться скалолазанием. С тоской я разглядывал ржавые колтуны колючей проволоки поверх плит. Попробовать одолеть ворота?..

– Здравствуйте, – донесся до меня тоненький голосок.

Обернулся – безо всякого энтузиазма.

Рядом стояла худенькая девочка лет семи в каком-то убогом платьице, с бантиком на голове, болезненным лицом и синяками под глазами. Я испытал смешанное чувство жалости и дурацкой иронии: захотелось поинтересоваться, как держится у нее на голове этот дурацкий бантик?

– Как прибили, так и держится, – сказала девочка, пронзительно глядя на меня.

– Ч-чего? – поразился я.

– Ну, вы же на мой бант смотрите, – сказала девочка серьезно. – Все спрашивают, как он держится. Правда, глупо?

– Да... – я не нашелся, что сказать.

– Вы – Близнец?

– Д-да...

– Пойдемте, я вас провожу...

Девочка так ловко и быстро завладела инициативой, что я не успел сориентироваться. В себя пришел только, когда мы шли по узенькой тропинке, которую я не заметил сразу. Метрах в тридцати справа от ворот в заборе оказалась массивная железная дверь. Девочка тихонько постучалась – и дверь бесшумно открылась наружу.

– Проходите, пожалуйста, – вежливо сказала девочка.

Я вошел. Дверь за мной закрыл какой-то плотный конопатый мальчишка – возрастом постарше. Посмотрел на меня равнодушно и даже здороваться не стал. Просто закрыл дверь на хорошо смазанных петлях. Лязгнул засов, мальчишка уселся на перевернутый деревянный ящик – тут же у стены. Зевнул и воткнул в уши маленькие присоски наушников.

Наверное, кроме меня, сегодня посетителей не ждали.

Продолжил путь вслед за девочкой, стараясь ничему не удивляться. Однако не вышло.

Мы прошли между приземистыми побеленными бараками и оказались на обширной спортивной площадке – с футбольными воротами, баскетбольными корзинами, множеством давно забытых мною снарядов...

Площадка была полна детьми!

Дети носились за мячами, просто друг за другом, гроздьями висели на железных турниках, сидели в сторонке на длинных лавках и просто на траве, качались на качелях...

Как я сразу не услышал всего этого гама?!

Я встал, как вкопанный. Оглянувшись, остановилась и моя проводница.

– А что здесь у вас такое? – опешив, спросил я, делая какой-то нелепый жест.

– Как что? – удивилась девочка. – Пионерский лагерь «Буревестник». Вы разве не видели, что на воротах написано?

Я вспомнил, что было написано на воротах, и с сомнением посмотрел на девочку.

– Пионерский?

– Ну, почти, – пожала хрупкими плечиками девочка. – Красные галстуки носить не обязательно. Но многие носят...

Тут я заметил, что на многих ребятах действительно красные галстуки. Как в моем далеком пионерском детстве...

Я ничего не понимал. А как же Обитель? Где прячется святая-святых Клана? Что здесь, вообще, происходит?

– Да пойдемте же! – недовольным голосом потребовала девочка. – Пал Ильич ждет...

– Кто это? – машинально спросил я?

– Наш главный физкультурник, физрук, – в голосе девочки появилась почтительность. – А, вот он! Пал Ильич! Пал Ильич! Привела!

Девочка бросилась навстречу долговязому пожилому мужчине, вполне, впрочем, крепкому на вид. Был он одет в давно не модный спортивный костюм с «адидасовскими» полосками, на ногах имел кеды, а на голове – смешную шапочку с помпоном. Чем-то он напоминал туриста советских времен, как их любят пародировать в наше время. Лицо загорелое, морщинистое и сухое. И взгляд какой-то особенный – пронзительный, жадный, как будто ждущий чего-то, что вот-вот должно произойти.

– Ну, спасибо, Катюш, беги к своим, – ласково сказал Пал Ильич, потрепал девочку за тощее плечо и слегка подтолкнул. Та засеменила прочь, временами крутясь вокруг себя и оглядываясь в нашу сторону.

Я стоял молча и ждал продолжения.

Пал Ильич, не спеша, приблизился, обошел меня, разглядывая, словно статую в парке. В этот момент я почувствовал себя крайне неудобно. Неприятно, когда тебя осматривают, как лошадь, выставленную на продажу – но я ощутил вдруг знакомую робость.

Этот слабак был сильнее меня. Значительно сильнее.

Странно правда? Слабак, который пугает куда больше, чем настоящий сильный. Надо как следует повариться в нашем тайном мире, чтобы понять этот парадокс. Я же только к нему прикоснулся...

– Да, хорош, – сказал, наконец, Пал Ильич и поднял взгляд от моих ботинок. – Хочешь что-то спросить?

– Да... – проговорил я.

Наверное, внешне моя робость, как всегда, не заметна. Но у меня создалось впечатление, что этот «физкультурник» читает меня, как старую газету. Я так до сих пор и не понял, кто же этот человек на самом деле. А он, в свою очередь, не спешил с объяснениями.

– Я думал, что здесь Обитель, – сказал я. – А здесь – детский лагерь...

Пал Ильич посмотрел в сторону спортивной площадки: там несколько мальчишек с криками образовали свалку – не поделили мяч.

– Не любишь детей? – поинтересовался Пал Ильич.

– Почему? Просто... Даже не знаю...

– Дети и Обитель – что может быть общего? – усмехнулся Пал Ильич. – Разве это не идеальное прикрытие?

– Прикрытие? – я опешил. – Вы прикрываетесь детьми?

– Во-первых, не «вы», а мы, – с ленцой отозвался Пал Ильич. – А во-вторых, должны же мы готовить себе смену...

– Вот в чем дело... – я начал понимать. – Все эти дети – слабаки?

– Практически, – Пал Ильич криво улыбнулся. – С детьми все не так просто. Кто сильный, кто слабак, станет ясно далеко не сразу. Но так, по крайней мере, наше будущее под контролем... Пойдем!

Физрук поманил небрежным жестом, и мы пошли по гравийной дорожке, что вилась между неряшливыми кустами. Когда первое наваждение прошло, стало ясно, что лагерь действительно порядком запущен, а дети в основной своей массе – довольно апатичны с виду.

Болезненный какой-то лагерь. И веселье у детей вялое, напускное. Мне доводилось в детстве бывать в лагерях, и воспоминания о тех временах – самые светлые. И что мне запомнилось больше всего – это неизменные лидеры, выдумщики и заводилы, без которых вряд ли было бы так весело. Кто придумывал все эти ночные побеги, шутки с зубной пастой, страшные истории по ночам и довольно жестокие розыгрыши со спящими приятелями? Как сейчас помню ту разъедающую душу зависть хулиганистым и веселым приятелям...

Но, кто его знает – может, все это искажения памяти, и у нас все было так же? И все наши забавы со стороны выглядели скучными глупостями? Конечно, слабак далеко не всегда выглядит слабаком. Но детям скрывать правду гораздо труднее...

– И кого ж вы из них готовите? – поинтересовался я. – Идеальных слабаков?

Тут же чуть не налетел на своего спутника. Тот сверкнул глазами и тихо бросил:

– Не произноси здесь больше этого слова! Понял?! Говори – «наши».

Я заткнулся. Даже голову вжал в плечи.

Однако круто он берет. Неужто предо мной сам Владыка? Очень на то похоже: рядом с ним я вновь ощутил свое, забытое было, ничтожество. Нельзя этого делать, можно совсем нух потерять...

– А где остальные? – виновато поинтересовался я. И быстро уточнил:

– Ну... Наши...

– Здесь все взрослые – наши. Вожатые отрядов, администрация, повара, дворники, водители... – физрук снова говорил спокойно и приветливо.

Навстречу пробежала группка девочек – они о чем-то весело переговаривались. Приблизившись, разом замолчали, хором поздоровались – и в лицах их была какая-то большая детская тайна. Только отбежав достаточно далеко, они снова принялись что-то шумно обсуждать.

Дети как дети. Наверное, даже хорошо, что их отделили от сильных сверстников. Мне вдруг вспомнилось собственное затравленное детство, дикие драки в подъездах, постоянный страх и унижение... Даже в глазах потемнело. Все-таки здорово, что детство проходит...

Приблизились к какому-то облезлому зданию, поднялись на крыльцо, вошли. Надо же – снова спортзал...

– Ударь его, ну! Бей же!

Это кричит какой-то крепкий коренастый парень – видимо, тренер. Перед ним на матах несколько мальчишек. И двое – в боевой стойке.

И оба зареванные, с покрасневшими от слез лицами.

– Двинь ему! – взвизгнул тренер.

Я вздрогнул, покосился на физрука. Тот не удостоил странную сцену своим вниманием. Поманил меня за собой. Мы прошли через зал, в котором тренер перешел на разъяренный крик:

– Ударь его, маленький ублюдок! Вот так, так! А ты чего рот раскрыл?! Где блок? Болевой, болевой давай! Вот так! И никакой пощады! Добивай!

Послышались крики и рев, полный обиды и боли.

Даже холодок по спине пробежал.

– Это нормально? – осторожно спросил я.

– Что именно? – не оборачиваясь, отозвался Пал Ильич.

– Не слишком ли жестоко? Они ж слабые...

– Жестоко... Можешь считать, что это прививка, – усмехнулся физрук. Теперь мы шли по узкому темному коридору с непропорционально высоким потолком. – В жизни их ждет куда больше жестокости.

– И все-таки... Они ведь дети!

– Все мы были детьми... – Пал Ильич обернул, посмотрел на меня с сомнением и сказал:

– Это научная группа. Мы изучаем – может ли слабак стать сильным.

– Опыты на детях?!

– Не только. Но у детей больше шансов.

– И... Как успехи? Сколько слабаков стало сильными?

Пал Ильич ответил не сразу. Когда я решил, что не дожусь ответа, сказал коротко:

– Ни одного.

У меня было много вопросов. Честно говоря, не нравилось мне это место, совсем не нравилось. Но тут Пал Ильич остановился перед грубо покрашенной дверью и осторожно постучал в нее.

– На минутку заглянем... – сообщил он мне.

Куда пришли, зачем? У нас нет такого правила – не задавать вопросов. Просто я на опыте убедился: слабаки не любят отвечать. Придет время – сами все расскажут. Если сочтут нужным.

– Да! Заходите! – донеслось из-за двери.

Физрук потянул ручку. Кивнул мне: «Проходи».

Честно говоря, не ожидал такого увидеть. Небольшая комната с решеткой на пыльном окне сплошь уставлена полками. И на полках этих стояли... нет – покоились – десятки великолепных парусников. Конечно же – моделей – но столь мастерски выполненных, что у меня вырвался какой-то нечленораздельный звук. Наверное, он выражал восхищение. Здесь были основательные каравеллы, похожие на изысканную мебель галеоны, мощные трехпалубные линкоры, легендарные фрегаты, стремительные клиперы...

Ослепленным этим великолепием, я не сразу заметил лысоватого круглолицего человека за столом – его скрывала недостроенная модель парового корвета с черной трубой между мачтами. Человек смотрел на меня поверх мощных очков, и взгляд его был внимательным и чуть ироничным. Чем-то он напомнил мне Папу Карло из детского фильма. Довершал образ довольно характерный фон: где-то работало обычное сетевое радио, нудно бормоча последние известия.

– Ага! – сказал человек и принялся бодро вытирать руки ветошью, не отрывая от меня внимательного взгляда.

Была в его глазах какая-то заразительная искорка: мне почему-то безумно захотелось немедленно заняться постройкой маленьких кораблей.

– Как добрался? – поинтересовался человек, выбираясь из-за стола, заваленного чертежами и инструментами. Он оказался совсем небольшого роста и теперь больше напоминал актера Дэнни Де Вито.

– Спасибо, нормально.

Я не знал, как себя вести перед очередным незнакомцем. Выручил Пал Ильич.

– Знакомься, Близнец: наш завхоз, Степан Матвейч...

– ...и по совместительству – ведущий судомодельного кружка, – подхватил завхоз. – Зови меня просто – Матвейч – так меня все здесь зовут.

– Очень приятно, – натянуто улыбнулся. – Вообще-то меня вызывали к Владыке. А я все никак не доберусь. Как бы он на меня не рассердился...

– Это он может, – серьезно кивнул завхоз. – Он у нас пунктуальность уважает...

– Матвейч, не в службу, а в дружбу – проводи новобранца, а? – сказал физрук. – А то у меня старшая группа уже на тренировку собралась...

– Конечно, конечно, Пал Ильич! – Матвейч замахал коротенькими ручками. – Ступай себе, я провожу молодого человека...

Физрук тихо исчез. Завхоз, смешно раскачиваясь, принялся ходить вокруг стола: наводил порядок. Хотя, мне показалось, хаоса от этого стало еще больше.

– Эх, дела, дела... – сетовал Матвейч. – Никакого покоя – которую уже неделю не могу корвет достроить! А посмотри, какой красавец! «Уругвай» называется... Гордость Аргентинского полярного флота! Участвовал в антарктических экспедициях, спасал затертые во льдах корабли, а ведь с виду такой хрупкий! Вот, подойди, загляни в люк... Видишь? Там внутри все, как на настоящем! Знаешь, сколько труда вложено?

– Здорово... – признал я, заглядывая одним глазом в крохотный лючок. Там действительно было полно мелких деталей, но узнал я только миниатюрный штурвал в кормовой надстройке.

Признаться, я всегда поражался подобного рода хобби. Люди тратят массу времени на повторение того, что уже было – только в куда более условной и бесполезной форме. Я сам в детстве много раз порывался начать коллекционировать модели самолетов, клеивал, раскрашивал – но это мне быстро надоедало. Надо иметь совершенно особенный склад ума. Или характера.

Конечно, вслух я всего этого не сказал – только ахал, да восхищенно причмокивал – пока завхоз не принялся суетливо вытаскивать меня за дверь. Напоследок он зачем-то щелкнул кнопкой на допотопном радио. Нудная дикторша запнулась на полуслове.

– Идем-идем! – бодро воскликнул завхоз, застегивая верхнюю пуговицу замызганного синего халата.

Господи, где он только его раздобыл? Получил в наследство? И из оттопыренных карманов торчат какие-то инструменты. Не хватает только синего берета на голове...

– погоди! – сказал завхоз.

И напялил на голову снятый с вешалки пыльный синий берет.

М-да. Однако!

– Идем, идем, мой юный друг! – продолжал болтать завхоз, выпихивая меня из своего маленького музея.

Теперь он гремел обширной связкой ключей, склонившись над замызганной замочной скважиной. Он будто сейф запирает, честное слово! И при этом болтал, не умолкая:

– Дети... Ах, эти дети! До всего любопытные, везде бы им залезть, все бы им потрогать, пощупать, проверить на прочность! А мои модели – хрупкие, изящные вещицы, они такого обращения не терпят. Ты думаешь, я сейчас запру дверь на замок и успокоюсь? Как бы не так! С этими детьми никогда нельзя быть спокойным! Найдут способ залезть, чтоб им пусто было... Начнут проверять: хорошо ли корабли плавают, прочен ли такелаж, стреляют ли пушечки... Чего доброго, устроят морской бой – я знаю, есть у нас такие мечтатели! Им бы все взрывать – никакой душевной тонкости...

– Дети, все-таки... – вставил я.

– Именно! – Матвеич поднял короткий белый палец.

Он уже справился с замком, и теперь силился запихнуть связку ключей в карман халата. Связка оцетинилась, как еж, и лезть в карман не желала.

– Потому я и открыл кружок – чтобы детишки сами себе корабли строили. Так нет же! Им интересно все готовенькое... Уф... Ну, что, пошли?

Ключи теперь вызывающе торчали из кармана, но завхоз, казалось, был удовлетворен и шел впереди, важно заложив руки за спину. Время от времени срывался в сторону – то к стоящей не там, где нужно, швабре, то роясь в каком-то попавшемся на пути хламе, то качая головой перед участком стены с облупившейся краской, то цокая языком под перегоревшей лампочкой.

Очень деятельный человек.

– Как вам наша Обитель? – поинтересовался он.

– Еще не знаю, – признался я. – Я ожидал... Чего-то более основательного.

– Эх, друг мой, – вздохнул завхоз, заглядывая в оказавшееся на пути мягкое ведро. – Я тоже всегда ждал от жизни чего-то более основательного. И оказалось, что самое основательное – это должность завхоза полузабытого детского лагеря. Справедливо это, как читаешь?

– Конечно, не справедливо! – поддакнул я.

– Еще как справедливо! – важно заявил завхоз. – Видишь ли, какое дело: все самое основательное – внизу. На то она и основа, чтобы бить подо всем. Чем основательнее – тем ниже, тем проще. Понимаешь?

– Не очень...

– Молодой еще. Ничего, поймешь в свое время. Завхоз – должность невеликая, но она в основе. Великие приходят и уходят, а завхоз остается. Потому что нет смысла менять основу. То есть – фундамент...

– Логично, – мне не хотелось спорить. Хотелось поскорее узнать, чего от меня хотят. – Скажите, а на Круге со мной будут беседовать? Или мне один на один с Владыкой?..

– Ишь ты, хватил! – Матвеич взглянул на меня удивленно и даже головой покачал. – Круга ему уже мало – Владыку ему подавай!

– Да я, вообще-то...

– Ладно-ладно... Разберутся, не беспокойся. Это у нас быстро...

Что имел в виду словоохотливый завхоз, я так и не понял, да и не стал выяснять: мы как раз входили в новое, обширное и светлое помещение.

– Вот, – довольно произнес Матвеич и хихикнул. – Наш, так сказать, конференц-зал!

Я не сразу понял, где мы находимся, чего хихикает мой провожатый, и отчего здесь такое странное эхо, но когда сообразил – пришлось удивляться снова.

Это был бассейн. Точнее – мы стояли в большом зале рядом с двадцатипятиметровым бассейном. Сухим, с полопавшейся плиткой. С разметкой по дну, номерными тумбами для пловцов. Здесь была даже вышка – небольшая, метра три, а над кафельной ямой торчал облезлый трамплин. Рядом имелся еще один, мелкий бассейн – «лягушатник», так, кажется называют такие. И тоже сухой.

– Спускайся, – сказал завхоз и показал на изогнутые поручни из «нержавейки».

– Зачем? – я немножко обалдел.

– Затем, затем! – нетерпеливо проговорил завхоз. – Мне еще надо сходить, сообщить о том, что прибыла важная особа, которая очень любит задавать вопросы...

Завхоз неловко взмахнул руками, и ключи, наконец вывалились из кармана. Пока мой новый знакомый ворчал, подбирая и запихивая связку обратно, я приблизился к краю бассейна.

Забавное зрелище: в центре голубого кафельного пола стоял круглый пластиковый стол. Несколько пластиковых же стульев стояли или валялись по всему дну.

– Здорово... – признал я.

Лесенка из «нержавейки» оказалась отломанной в полуметре от края. К единственной ступеньке примотана веревочная лестница с деревянными перекладинами. Я покосился на завхоза. Тот лишь развел руками: «Чего, мол, ждешь?»

Вздыхнул и полез вниз.

Неловко спрыгнул с предпоследней ступеньки. Стук подошв гулким эхом отразился от стен. Сделал несколько шагов, прислушиваясь к эху. Это было бы даже здорово, если бы имело хоть какой-то смысл.

– Матвеич! – крикнул я. – А сколько ждать?

Ответа не последовало. Вместо этого я с изумлением увидел, как уползает вверх веревочная лестница.

– Э-э! Куда?! Стойте! Что это значит?

Ответом было лишь эхо.

Так я остался в одиночестве на дне идиотского «кафельного мешка».

Вначале я подумал, что это что-то вроде розыгрыша. Потом решил, что Обитель, как бы она ни выглядела, не то место, где устраивают розыгрыши.

Мне стало немного не по себе. Я прошелся по периметру бетонного ящика, пытаюсь сообразить, как выбраться. Бортик был слишком высоко, а все лестницы – срезаны.

Подумав, подтащил к стенке, под остатки лестницы, столик, влез на него. Слишком высоко – не допрыгнуть и со стола. Тут посетила горячая идея: поставить на столик еще и стул. Снова влез на стол, глянул наверх. Высоко! Стол дико шатался, стул был не менее хлипкий. К тому же поставить его можно было только по центру – иначе конструкция грозила перевернуться. Диким акробатическим усилием вполз на стул. С огромным трудом выпрямился – все под ногами ходило ходуном, к тому же, меня, наверное, самого начинало трясти. С опаской поднял глаза.

Теоретически, если из всех сил подпрыгнуть, то можно дотянуться до единственной ступеньки лестницы. Правда, остается еще около метра до самой стены – стул-то в центре стола...

Законы физики не дали мне совершить задуманное: даже не попытавшись прыгнуть, я ощутил, что дергающийся стул окончательно вышел из-под контроля. Еще успел сгруппироваться, когда вся конструкция сложилась, как картонный домик.

Стол несколько смягчил падение, но, я, все-таки, достиг жесткого кафеля.

Было очень больно. Хорошо, что ничего не сломал.

На этом мои попытки выбраться закончились. Я сдался. И, сидя на полу, не мог сдержать слез. Все-таки, я слабак – что бы там ни думали иерархи Клана...

Не знаю, сколько времени я провел оцепенении. Но вдруг меня окатила волна страха.

Никогда не замечал за собой склонность к клаустрофобии, но тут с ужасом понял: в этом тесном колодце мне не хватает воздуха! Раскрыв рот, будто рыба, я пополз по холодному полу. На какое-то время все человеческое покинуло меня – остался лишь этот необъяснимый, животный страх. Я скулил, бормотал какие-то бессвязные фразы, и казалось, будто это не я, будто сам я с удивлением и брезгливостью наблюдаю со стороны за этим отвратительным, воющим существом. Вроде бы, даже стошнило где-то у стенки с выбитыми керамическими квадратиками...

Из этого ужаса меня выдернул спокойный, слегка надменный голос:

– Смотри-ка, а ты действительно, один из нас... Полное ничтожество...

Я поднял ошалелый взгляд кверху.

Под вышкой, над кафельной пропастью, самом краешке трамплина стоял незнакомый человек. Отсюда толком не разобрать, как он выглядит. Понятно только, что в темной одежде и темных же очках. Нет, совсем не разобрать...

– Возьми стул. Сядь! – приказал человек.

Я не столько понял, сколько ощутил: надо повиноваться. Спотыкаясь, добрался до середины бассейна, подтащил к себе ближайший стул, сел. Отсюда, из центра, незнакомец был виден лучше – не слишком далеко, но и голову не так задирать.

– Вы... Владыка? – запинаясь, спросил я. – И мне нельзя вас видеть вблизи?

Возможно, мне и не следовало заговаривать первым. Но я боялся снова остаться в одиночестве в этом жутком месте.

– Ты догадлив, – отозвался человек, и в голосе проскочили нотки иронии. – Зачем тебе забивать память образами, которые тебе никогда не пригодятся? У тебя другая роль в нашем Клане, особенная.

– Спасибо! – зачем-то брякнул я

– То, что у тебя специальная роль – не является твоей собственной заслугой. Такова твоя природа. Надеюсь, ты понимаешь это?

– Понимаю, – покорно ответил я.

Все-таки, мне уже гораздо лучше. Даже непростой разговор с высшим иерархом Клана стал для меня наградой после кошмара одиночества и беспомощности...

– Наш брат, иерарх первого уровня по прозвищу Хиляк, спас тебя от неизбежной гибели. И теперь жизнь твоя целиком и полностью принадлежит Клану. Ты ведь не будешь спорить с этим?

– Не буду, – я покачал головой.

Хотя, по совести, у меня до сих пор не проходили сомнения: действительно ли я шагнул бы с той крыши, не останови меня Хиляк? Вопрос кажется чисто философским, но с позиции субординации имеет вполне конкретный смысл. Я рассуждал так: если я не в силах противиться воле старших иерархов, значит, главное условие приобщения соблюдено. Они просто сильнее меня.

Впрочем, сейчас эти мысли несущественны. Важно лишь то, что хочет сказать Владыка.

Я смотрел на него снизу вверх и пытался понять – какой он? Что он из себя представляет? Каков его характер, каковы привычки, сильные стороны и недостатки? Ведь у всех слабаков свои, особенные слабости...

Здравый смысл медленно возвращался в мою большую голову. И я стал догадываться: видимо, весь цирк с бассейном для того и придуман – чтобы мне было плохо видно этого человека, а эхо искажало голос. И то, что он буквально висит в воздухе, а я сижу в кошмарной яме, по идее, должно способствовать ощущению разницы в статусе и вызывать почтение.

Как говорится, эффект налицо – и никакой электроники.

– Что ж, – сказал Владыка. – Тогда поговорим по существу...

«Небожитель» перестал соблюдать каменную неподвижность, что была в чести у египетских фараонов, и легко присел на край трамплина. Тот тихонько закачался вместе с Владыкой. Однако, очень круто для слабака: он не боится ни высоты, ни качки! Если это должно производить впечатление на новичков, то своего Владыка добился.

– Итак, ты особенный, – сказал Владыка. – Хиляк рассказывал о тебе, а теперь я и сам вижу. Как ты прошел инициацию?

Я поежился, вспоминая.

Первое испытание – чтобы слабаки приняли тебя в свой замкнутый мирок, допустили к тайной кулисе, откуда дергают за невидимые ниточки. Инициация, превращение слабака в члены Клана, довольно проста. Но противоестественна, как и сам Клан.

Чтобы стать подлинным слабаком, нужно пройти через три круга Унижения.

Первый круг – это боль. Это проще всего. Как сейчас помню: темная улица, группа крепких, бритоголовых парней. И я, робко приближаюсь на ватных ногах. На меня смотрят равнодушно, с насмешкой. Мой облик не выдает во мне слабака, потому мне приходится сделать первый ход. «Вы – сборище придурков, – говорю. – Банда фашистов...» Не успеваю закончить фразы – я уже на асфальте, и меня месят ногами. Не слишком усердно, а потому я кричу: «Козлы! Ублюдки!» Вскоре понимаю, что с меня хватит, но парни уже вошли во вкус. И спасает только подросевший наряд милиции – это пугает Хиляка. Что ж, боль я прошел...

Второй круг – стыд и отвращение. Как ни странно, это мне далось тяжелее. Извалявшись в какой-то мерзости, по указке Хиляка, три дня стоял на коленях в подземном переходе и просил милостыню. Самым кошмарным было то, что ходить можно только под себя. Так что отвращение я получил по полной программе – и от прохожих, и от себя самого.

По окончании каждого испытания, Хиляк совершал странный ритуал: он заставлял меня плакать. Долго умолять меня не приходилось, я легко срываюсь на слезы. Вот их-то он и собирал маленьким устройством со стеклянной трубкой. Как он сказал – это мой первый взнос в главный фонд Клана – фонд Жалости.

Теперь я ждал третьего круга – страха. Но при этом уже работал Ловцом. Это, наверное, не очень правильно. О чем и сказал робко Владыке.

– Время, проведенное тобой в ожидании, засчитываю в счет третьего круга, – твердо сказал Владыка. – Теперь ты полноправный член Клана.

Так и хотелось крикнуть: «Служу Советскому Союзу!» Что, вообще, принято говорить в таких случаях? И я просто сказал:

– Спасибо...

– Не стоит. Свою благодарность покажешь в поступках. Вот мы и подошли к делам...

Странно было говорить о делах с человеком, качающимся над пропастью на скрипучей доске. Хотя, конечно, мир слабаков в принципе странен – как все уродливое и болезненное в этом цветущем жизнелюбивом мире. Владыка говорил, обхватив одну ногу и покачивая в воздухе свесившейся. Наверное, это должно означать доверительность.

– У Клана возникли определенные проблемы, – сказал Владыка. – Конечно, проблемы существовали всегда, поскольку мы сами по себе – проблема для сильных. Но долгое время нам удавалось оставаться незаметными. Как мыши, мы подбирали упавшие зерна – и сильные этого не замечали. Или просто не хотели замечать. Но теперь что-то изменилось. Нас заметили...

Владыка замолчал.

От неудобного ракурса у меня начала затекать шея. Не до театральных пауз – я ждал продолжения. И человек, зависший между потолком и кафельным полом, продолжил:

– В наших рядах появился чужак.

– Предатель? – осторожно спросил я.

– Он оказался бы предателем, если бы был слабаком. Такое бывало и раньше. У нас есть те, кто занимается чисткой рядов. Сейчас все гораздо хуже. Среди нас прячется анимал.

– В смысле – сильный?

– В смысле – убежденный, яростный, прирожденный сильный. Враг.

Это был повод поерзать на стуле. Отчего-то меня посетило чувство тоскливой неизбежности – как необходимость плестись в военкомат по повестке. Хотелось возмутиться: «Причем здесь я?!» Но возражать Владыке было еще страшнее.

Тут Владыка несколько вышел из образа: он вздохнул. И это было видно даже со дна моего пересохшего колодца.

– Мы – слабы, – сказал Владыка. – Слишком слабы. Мы нерешительны. У нас плохо развита интуиция. Мы не можем на равных соперничать с сильными, даже если их мало, а нас – тысячи. Мы сила, пока мы вне мира сильных. Впрочем, ты знаешь...

– Да... – эхом отозвался я.

– Нашему Клану может придти конец, – тихо сказал Владыка. – Едва только сильные всерьез воспримут нас как угрозу своему укладу – укладу сильных – нам крышка. Сначала развалят Контур, а потом человечество медленно скатится к тому, с чего начало: к праву сильного и пожиранию себе подобных...

– По-моему, вы сгущаете краски... – пробормотал я. Мне очень не понравилась нарисованная Владыкой картинка.

– Это худший сценарий, – признал Владыка. – Мы не знаем, кто этот чужак. А главное – один ли он, и что он про нас знает.

– А что...

Владыка легко поднялся, отчего трамплин опасно заиграл под ним, и небрежно ткнул в меня пальцем:

– А все остальное должен выяснить ты!

Вот те раз! Я аж вскочил со стула.

– Но почему именно я?! У вас же есть эти... специалисты!

– Они все слабаки.

– Но ведь и я слабак! И у меня никакого опыта! Я ничего не знаю! Я боюсь, в конце-концов!

– У тебя одно преимущество: тебя легко принимают за анимала.

– Только на короткое время!

– Вот и используй это время правильно.

Я чуть не задохнулся от возмущения и растерянности. Владыка сложил руки на груди и заговорил быстро и четко, словно отдавая приказ. Наверное, так оно и было.

– У тебя будут опытные помощники. Им я доверяю. Больше никто не должен знать о нашем разговоре.

– Даже Держатели, даже Большой Круг?

– Они – тем более. Именно поэтому я беседую с тобой здесь. Больше никаких вопросов. Приступай.

И ушел.

Пару минут я стоял в оцепенении, не в силах ни шевелиться, ни думать. Есть такое выражение: «гора свалилась с плеч». Со мной же произошло обратное – я похоронен рухнувшей на голову скалой...

Я вздрогнул.

Это, все-таки, не скала. Это сверху упала, раскручиваясь, веревочная лестница.

5

Бывали у вас в жизни моменты, когда совершенно непонятно – что делать и как себя вести? Так и я стоял тогда и смотрел перед собой, выпучив глаза, не зная, с чего начать, за что зацепиться. Я еще не говорил, что жутко комплексую перед большой аудиторией? Я из-за этого долго диплом защитить не мог.

А тут все еще хуже.

Сидят, смотрят на меня выжидающе, с интересом.

Маленькие вампиры.

Нет, я, в общем-то, люблю детей. Но на расстоянии и не в таких количествах.

– Дядя Леша, а что мы будем сегодня делать?

– Дядь Леш, а вы, правда, в спецназе воевали?

– А в футбол вы играете?

– Да ну – футбол! Лучше стритбол!

– Иди ты со своим стриболом!..

– А какую вы музыку любите?

– А девушка у вас есть?..

Дядя Леша – это я. Помимо прозвища у меня есть еще и настоящее имя. Не станешь же представляться детям: «дядя Близнец».

Это идея руководства – назначить меня вожатым третьего отряда. В качестве прикрытия, чтобы оправдать появление в Обители. Никто, мол, не может справиться с этими третьим отрядом, давайте Близнеца привлечем. И привлекли, чтоб их...

Я думал, что самым сложным окажется для меня данное Владыкой задание. Кто бы мог подумать, что таким тяжким испытанием станет само прикрытие?

Слава богу, мне не надо с ними быть круглосуточно: дети еще посещают местную школу. Все-таки учебный год давно наступил.

– Просто соблюсти видимость, – хлопал меня по плечу Крот. – Это не так сложно – тебе даже понравится общение с ними!

Крот – вожатый второго отряда. На деле – тайный Блюститель Клана, мой проводник и наставник в деле контрразведки. В моей секретной команде есть еще один персонаж – некто по кличке Клоун. Я его еще не видел, но говорят, он медиум. По правде, ни разу еще не видел живых медиумов и не очень-то в них верю.

Обеспечением операции занимается завхоз Матвейч, непосредственно руководит Хиляк.

Больше о наших истинных планах не знает никто. Даже физрук думает, что меня пригласили исключительно для того, чтобы приструнить проблемный третий отряд...

– О чем вы думаете, дядь Леш? – застенчиво спросила девочка с «африканскими» косичками пшеничного цвета.

Девочки смотрят на меня с неподдельным интересом. Мальчишки с некоторой ревностью. Я готов провалиться под землю. Ей-богу, вожатское дело мне не по силам.

– Да, так... – сбивчиво произнес я, – о делах задумался. Так что, пойдем в футбол играть?

Надо сказать, поначалу дети действительно поверили в то, что я «крутой вожатый». Что им будет со мной интересно и весело. Я честно пытался играть в футбол, закидывать мяч в кольцо, организовывал какие-то нелепые конкурсы, которые подсказал мне Крот.

Но уже к вечеру на лицах моих подопечных появилось разочарование. Детей не обманешь – я, все-таки, слабак, слюнтяй. И совершенно не в состоянии увлечь за собой эту шумную компанию.

Ведь эти подростки – пусть не столь сильные, как их «обычные» сверстники, сбившись в стайку себе подобных, из «гадких утят» превращаются в активных и жизнерадостных – спасибо Клану и его гениальным создателям.

Пока же я просто не вписываюсь в эту схему.

Железные створки ворот сомкнулись с жалобным скрипом. Ржавый альбатрос качался над ними, словно пытался поймать восходящий поток и унести прочь из этого скучного места...

Надсадно заскрежетала коробка передач, и старенький ПАЗик, желтый, с треугольными знаками «Осторожно дети!», принялся неспешно набирать обороты.

Вообще-то, надпись «Школьный автобус» по борту сделана, чтобы закрасить длинную черную полосу – это бывший катафалк. И сиденья в нем соответствующие – на всю длину бортов, обращенные друг к другу. Вообще-то, даже удобно – ведь вместо гроба по центру длинный складной стол. И траурные занавесочки на окнах.

– Куда едем? – уныло поинтересовался водитель и нервно поправил выцветшую кепку.

– Сейчас решим, – важно говорю я. – Пока – прямо!

Да, да – теперь у меня свой персональный водитель! Его мне, нехотя, выделил из своего подчинения завхоз Матвейч.

Зовем мы нашего водилу Баян. Потому что он, действительно, не расстается с древним, почти развалившимся музыкальным инструментом. В Обители, а точнее – в детском лагере «Буревестник» – он по совместительству работает аккомпаниатором. Сопровождает сомнительными звуками культурно-массовые мероприятия.

Как я успел убедиться, играет он так себе. Водит – тоже. Хотя, если бы и то, и другое он делал, как надо – вряд ли бы оказался, как и мы, за бортом жизни.

Впрочем, Клану все равно, какие у него баянисты и водители. Он работает по старому доброму принципу: и из плохих деталей можно собрать вполне действенный механизм. Тем более, что любую деталь всегда можно заменить.

Сами мы – детали тайного звена Блюстителей, и я его главная козырная карта. Это и почетно, и немного обидно: своими неожиданным взлетом я обязан исключительно природным данным. Которые сам считаю не столько достоинством, сколько, своего рода, уродством. Как иначе можно назвать полное несоответствие моего внутреннего мира и физиономии?

Стараюсь не думать об этом. Тем более, чем дальше наш экипаж удаляется от Обители, тем лучше я себя чувствую! Черт возьми – да я впервые в жизни, что называется, на коне! Пусть раздолбанном, желтом, со значком «Осторожно дети!» Но именно от меня зависит судьба тысяч и тысяч людей! Пусть слабаков, слизняков, продуктов несварения общества – но все-таки!

Главное – не думать об ответственности, иначе может стать дурно...

– Как там третий отряд? – добродушно поинтересовался Крот. – Совсем замучили?

Крот он потому, что близорук и все время щурится, пытаясь разглядеть собеседника. У него есть очки – только он стесняется их носить. Честно говоря – Крот совсем не поход на Блюстителя, как я их себе представлял.

Вот он залез с ногами на длинное сиденье и с удовольствием щурится на проползающий за окошком пейзаж. Что он только там видит?

– Даже не знаю, – промямлил я. – Сложно мне с детьми управляться. Какой из меня вожатый?

– Ну-ну, ничего! – похлопал меня по плечу Крот. – Здесь главное – зацепиться, показать, что ты свой!

– Да ну, – вяло отмахнулся я. – Какой я им свой? Не для меня это...

– Слушай, что я тебе скажу, – доверительно поведал Крот. – Когда работаешь с детьми, перестаешь чувствовать себя слабаком! А это многого стоит, поверь!

– Может быть, – я не стал спорить. – Но давай лучше по нашей проблеме...

Крот молча слез со своего места, сделал мне знак подвинуться. Я поерзал по жесткому дерматиону.

– Как мы будем искать нашего шпиона? – поинтересовался я. – Среди кого? Где?

– Близнец, ты, это – не паникуй! – хлопнув меня по плечу, бодро сказал Крот. – Тут главное начать!

Видимо его снова подвело зрение – паниковать я пока и не думал. Просто сидел и ждал продолжения. Крот крутил головой и блаженно улыбался. Продолжения не последовало.

– Это все, что ты хотел сказать? – поинтересовался я.

– А? – отозвался Крот. – Ну, да. В смысле, нет. Мы ведь куда сейчас едем?

– А куда мы едем?

– Мы за Клоуном едем! – доверительно сообщил Крот. – Без Клоуна у нас ничего не выйдет.

– А с Клоуном, значит, выйдет? Он что, особенный, по запаху искать будет?

– А ну, погоди-ка...

Я вздрогнул: Крот уставился на меня широко раскрытыми глазами. Это было так неожиданно, что я потерял дар речи: таким я его еще не видел. Он пожирал меня взглядом, и раздувал ноздри, как разъяренный кот. И вдруг обмякнув, вернулся к прежнему состоянию.

– Извини, – сказал он. – Показалось.

– Ну, ты... Чтоб тебя... – пробормотал я. – Показалось ему! Что показалось? Что я и есть этот... засланный казачок?!

– А кто вас знает... – Крот окончательно скис, сложил руки на груди и как-то жалобно сжался.

Вот так. На слабака никогда нельзя положиться. Будь он даже опытным Блюстителем, хоть самым Владыкой. Он, может, и хороший человек, и не желает подвести товарищей. Да только в один прекрасный момент что-то в нем может вдруг выключиться, перегореть, как предохранитель. И ничего с этим не поделаешь. Еще одна причина, отчего нам никогда не быть на равных с анималами.

Так и ехали молча до самого города. Только у Московской Кольцевой Крот зашевелился и крикнул водиле:

– Эй, Баян! Въезжаешь на МКАД – и направо поворачивай!

– А? – донеслось с водительского места.

Автобус натужно влезал вверх по эстакаде.

– На МКАДе, говорю, сразу направо!

– А раньше нельзя, что ли, было сказать?! – огрызнулся Баян, и автобус нервно задержался. – Все, проскочили поворот!

– И когда же ты проскочить успел, Шумахер?! Мы ж сорок километров час едем!

– А ты сам порули этим корытом, я на тебя посмотрю...

Баян продолжал что-то ворчать, время от времени раздраженно вскрикивая.

– Правда, Крот, чего до этого ты молчал? – спросил я.

– Да, думал, может, «хвост» какой увязался. Так, чтобы оторваться порезче... – совершенно серьезно сказал Крот.

Это после я узнал, что мой приятель Крот не так прост, как предпочитает казаться. Во-первых, он всерьез воображает себя великим сыщиком. Во-вторых, действительно, не был лишен определенных способностей. Правда, есть у него и серьезный недостаток: чрезмерная подозрительность. За какой из недостатков его в свое время уволили из уголовного розыска – даже гадать боюсь...

– Ладно, раз проскочили «развязку», лучше не крутиться, – решил я. – Поехали, сначала Хиляка подберем...

– Нет, – помотал головой Крот. – Театр закроется, надо Клоуна забрать.

– Театр? – удивился я. – Он актер?

Крот покосился на меня, и сказал загадочно:

– Что-то в этом роде...

Загадочные рожи Крот корчил не зря.

Театр оказался кукольным.

Зашли мы не с центрального входа, а с проходной для персонала. Мой коллега о чем-то пошептался с хмурой вахтершей – и нас пропустили через вращающийся турникет. Вахтерша проводила Крота подозрительным взглядом, но мне отчего-то улыбнулась. Я улыбнулся в ответ – кто его знает, что там наболтал ей Крот.

Разбирало любопытство: что же это за Клоун? Работник сцены, осветитель? Известный куколовод? Хотя слабак по определению не может быть известным. Тем более, если он состоит в Клане.

Крот повел меня не в фойе и даже не за кулисы. Мы пробирались через узкие коридоры мимо многочисленных дверей, за которыми, наверное, находились «гримерки». Хотя кто может гримироваться в театре кукольном – совершенно не ясно. Спустились куда-то по узкой крутой лестнице, снова поднялись. И очутились перед дверью с табличкой «Мастерская».

– Ты только води себя спокойно, – сказал зачем-то Крот. – Он не любит, когда психуют или проявляют слишком много внимания.

Я только пожал плечами. Подумаешь – какой нервный Клоун!

Крот открыл дверь и поманил меня за собой. Мы вошли.

Первое, что ощутил – это запах. Я помнил его – такой исходил от сундука с древними бабушкиными нарядами: затхлость, к которой примешивалась какая-то химия. А потом в глаза ударило фантасмагорическое буйство форм и красок.

Здесь, как в гардеробе какого-нибудь сумасшедшего дома, висело на длинных вешалках, чудовищное множество кукол: люди, животные, принцы, нищие, львы, зайцы, птицы, старухи, царевны, шуки, медведи, коньки-горбунки... Огромные стеклянные глаза смотрели во все стороны – но мне сразу почудилось, что они просто делают вид – что в сторону, на деле же вся эта орава тайком наблюдает за моей реакцией...

– Здравствуйте, – из-за повешенных непонятно, за какие преступления, Трех богатырей донесся голос Крота. – Ну, как, готово?

Кроту что-то невнятно ответили. А я стоял и заворожено смотрел, как покачивают сафьяновыми сапогами несчастные богатыри...

В сопровождении какой-то женщины появился Крот.

– Вот, – сказал он. – Знакомься. Это Клоун. Клоун, это Близнец...

Снова стою с выпученными глазами, не зная, как себя вести. И в голове только тупой вопрос: почему эту миловидную полную женщину называют Клоуном?!

– Здравствуйте, – говорю и протягиваю руку. – Очень приятно...

– Близнец! – укоризненно произнес Крот. – Вот Клоун!

Действительно, в руках у женщины небольшая кукла. И вправду – клоун. Если точнее – шут – на голове колпак с бубенчиками, размалеванный рот. Маленькие ручки врасстырку...

Клоун смотрит на меня, медленно склоняет голову на бок. Вроде бы даже прищуривается. И холодок пробегают между лопатками: я чувствую, что он видит меня насквозь...

– Все готово, – говорит женщина. – Латку вот здесь поставила, глазик пришила. Смотрите – как новенький!

Клоун закривлялся, замахал ручками, и я понял, что он сидит верхом на правой руке женщины, а она ловко управляет игрушкой...

– Привет! – сказал Клоун искаженным голосом женщины. – Ну, чего язык проглотил? Клоунов не видел, что ли?

Крот толкнул меня локтем в бок.

– Здравствуй, Клоун... – сказал я деревянным голосом.

– Спасибо, удостоил вниманием! – сварливо сказал Клоун, но в следующий момент соскользнул с руки женщины, смялся, сник, будто жизнь вдруг покинула его. Теперь он простой тряпкой болтался в руках Крота.

Это чудесное превращение ошеломило меня. Наверное, я так и стоял бы столбом, если б Крот не окликнул меня:

– Пойдем, пойдем! Хиляк нас ждет.

6

Баян притормозил на автобусной остановке. Дверь зашипела и открылась. В нее немедленно полезла какая-то старуха.

– Куда, бабуля! – крикнул Баян. – Нам не по пути!

– Тогда сам и слазь! – довольно бодро отозвалась старуха. – Мне всего две остановки проехать!

– Да пусть прокатится! – вслед за старухой в автобус поднялся довольно ухмыляющийся Хиляк.

– Как скажете, – пробурчал Баян, неприязненно поглядывая на неожиданную пассажирку.

Меня старухино поведение сначала ошеломило. Но я быстро понял: мы, слабаки просто не силах были что-то противопоставить этой сильной женщине, которая, небось и войну прошла, и репрессии пережила. Вот, даже говорить в ее присутствии как-то робеем...

Старуха будто нутром почуяла слабинку и потребовала – ласково, заискивающе – но именно потребовала:

– Сынок, сверни здесь, ага. Вот-вот, замечательно... И у магазина притормози, милоч! Ой, дай бог тебе здоровья!

– И вам не болеть! – весело сказал Хиляк, приподнимая шляпу.

Старуха с достоинством сошла на тротуар, и Баян торопливо захлопнул за ней двери.

– Забрали Клоуна? – поинтересовался Хиляк.

Вместо ответа Крот приподнял странную куклу и покачал ей в воздухе.

– Хиляк, я так и не понял этого прикола с куклой, – признался я. – Зачем она нужна?

– Сам ты кукла, – усмехнулся Хиляк. – Хорошо, что он тебя сейчас не слышит...

– Вы что, действительно верите, что у куклы... у этого Клоуна есть что-то в голове? – я недоуменно пожал плечами.

– Близнец, не вникай, – сказал Хиляк и обратился к водиле. – Где Кум живет, знаешь?

– Это который Кум? У которого глаз дергается? Тогда знаю. Я ж его давеча из больницы забирал. Припадочный он какой-то... Так куда сейчас – в больницу или к нему домой?

– Домой, – сказал Хиляк. – Наверное...

Кум жил в ветхой пятиэтажке в окружении рахитичных деревьев. Автобус с трудом втиснулся в маленький тихий дворик, откашлялся и затих. Баяна мы оставили в одиночестве, сами же отправились в гости. Когда заходили в тесный подъезд, я поинтересовался:

– Хиляк, а разве этот Кум имеет доступ к нашей операции? Что-то мне про него не говорили...

– Кум не имеет. Клоун имеет, – загадочно ответил Хиляк.

Крот деликатно кашлянул в кулак.

Дурдом какой-то, честное слово...

Когда открылась дверь, в нос ударил характерный холостяцкий запах. Да еще потянуло дымом дешевых сигарет. Облик открывшего дверь в потемках разобрать не удалось.

– Здоров, Кум, – сказал Хиляк. – Клоун вернулся.

– Скажите, какая радость... – сипло отозвался хозяин и раскрыл дверь шире, пропуская нас. – А то мне без него плохо было...

Мы вошли. Кум чуть попятился и теперь стоял в сторонке, лениво почесываясь, отставив в сторону пятерню, в которой дымилась сигарета без фильтра. Был он тощий, кожа грязного цвета, вся в дряблых складках, в которых теряли всякий смысл многочисленные «наколки». Голова непропорционально крупная, лишенная всякой растительности, в таких же бульдожьих

складках. Из одежды на нем была затасканная майка с перекрутившимися лямками, да трико с протертыми коленками.

Больше всего он напоминал тоскующего по «зоне» зэка.

– Вот... – Крот протянул Куму куклу.

Тот неприязненно посмотрел на Клоуна и буркнул:

– Что, даже докурить не дадите?

– Ты же знаешь, Клоун не любит, когда накурено, – заметил Хиляк.

Кум исподлобья глянул на меня и поинтересовался:

– А этот чего оскалился? В цирк пришел, что ли?

– Близнец, прекрати! – строго сказал мне Хиляк.

Я только плечами пожал: что прекращать, если мы ничего не начинали? Странные поездки, туманные разговоры, куклы какие-то, загаженные конспиративные квартиры. Я иначе представлял себе работу суперагента Клана.

– Ладно, – тоскливо сказал Кум. Бросил окурочку прямо на паркет, задавил его тапком. – Пошли на кухню...

На древней газовой плите закипал чайник. Хиляк открывал форточку, Крот с брезгливостью мыл чашки. Кум же сидел в уголке, задумчиво разглядывая лежащую на столе куклу, и скреб тощую грудь грязными узловатыми пальцами. От этого зрелища мне самому захотелось чесаться. Тут, главное, не сосредотачиваться на этих мыслях.

– Ладно, Кум, приступай! – мягко сказал Хиляк и осторожно снял шляпу. Без шляпы я видел его впервые. Наверное, предстояло что-то нешуточное.

– Э-эх... – просипел Кум, беря в руки куклу. – Сколько на «химии» протрубил, сколько намалялся по жизни так и тут покоя не дают... Ну, наконец-то, сколько можно?!

Наверное, я никогда к этому не привыкну. Последнюю фразу Кум произнес совершенно другим голосом – без сипа и характерного тюремного говора. Этот голос я уже слышал – правда, немного другого тембра – там, в мастерской кукольного театра.

Так говорил Клоун.

Я пытался ухватиться за кусочки реальности, но реальность упорно ускользала, оставляя меня наедине с тем, что видели глаза: притихший, будто уснувший с открытыми глазами, Кум, и вновь оживший Клоун на его руке. Здесь, вроде, не было ничего сверхъестественного – Клоун говорил устами Кума. Но я-то понимал, что Кум сейчас совершенно ни при чем! Похоже, его, действительно сейчас не было в этой кухне...

– Привет, Клоун, – сказал Хиляк. – Тебя здорово подлатали.

– А что, вообще, с тобой приключилось? – поинтересовался Крот, разливая кипяток по чашкам. В них он уже успел насыпать по ложке какого-то найденного у Кума кофезаменителя.

– Спасибо за лечение, – вздохнул Клоун. – Этот идиот умудрился спяну наступить на меня. Глаз раздавил и чуть не убил. Спасибо Хиляку – отвез в реанимацию...

Клоун приблизился к Куму и сердито отвесил тому оплеуху.

Я хихикнул. Все это, действительно, походило на забавную любительскую постановку.

– Так это и есть наш новый ферзь в рукаве? – теперь Клоун откровенно разглядывал меня. – Да, на первый взгляд, вроде, то, что надо...

И тут я не выдержал. В конце-концов, почему я должен терпеть издевательства со стороны этих убогих?! Иногда меня заносит, и потом бывает стыдно – но ничего не могу с собой поделать.

– Слушай, ты, Кум, – довольно надменно сказал я. – Кончай ломать комедию! У себя на химии сокамерников куклами развлекай! А здесь давай по делу!

Хиляк посмотрел на меня со страхом, Крот начал медленно съезжать под стол.

– По делу? – вкрадчиво поинтересовался Клоун. – Давай по делу... Ты, ничтожество, на которое пал выбор, какое ты право имеешь прикрикивать на тех, кто ждет от тебя защиты, кто вложил в тебя все остатки своей надежды? Ты, кому судьба подарила всего лишь защитную окраску, отчего ты считаешь, что стал умнее, справедливее, выше нас? Ты сам – человеческий обрубок, разбитый на кусочки ударом почтового штемпеля! Чем ты, живущий и умирающий на почтовой карточке, лучше меня, живущего в этой кукле?!

Стеклянные глаза сверкают огнем, проникают в самые тайные уголки души. Мне страшно – но некуда бежать, негде скрыться. Я оступаюсь – и с воплем лечу в бездонную пропасть...

– Эй, эй! Близнец, очнись! С тобой все в порядке?

Все-таки, я никуда не летел. Я так и сижу на скрипучем стуле, на грязной кухне Кума, меня держит Крот, а Хиляк несильно шлепает по щекам.

Отмахиваюсь. Делаю глубокий вдох.

– Ну, слава богу, отошел! – бодро говорит Хиляк. – Близнец, надо, все-таки, быть пожежливее. Особенно с теми, кого знаешь недостаточно хорошо. Ты уж прости его, Клоун!

– Я-то что? – как ни в чем не бывало, говорит Клоун, и колокольчики на его колпаке мелко позванивают. – Меня-то нечего бояться. Пусть других боится. Я просто показал ему, как это бывает. А он пусть делает выводы. Клоуны не всегда смешные, правда?

Медленно прихожу в себя. Теперь смотрю на Клоуна совсем другими глазами.

Куда там – теперь я на все смотрю другими глазами. Конечно, дело не кукле. Или не совсем в ней. Трудно объяснить – я смог это всего лишь почувствовать, и когда это ощущал, мне казалось, я подошел к разгадке самого себя. Конечно же, это иллюзия. Как и то, что с нами говорит кукла.

Клоун – это всего лишь воплощение. Только чье? «Второго я» Кума? Вселившихся в него духов?

Это не важно. По крайней мере, не важно сейчас. В мире слабаков вообще не важно «почему» – у нас просто нет ни знаний, ни сил, ни воли на разгадку тайн бытия.

Зато мы умеем верить.

Ведь только вера помогает нам, изначально обреченным на проигрыш, жить. И править миром.

Не похоже, чтобы Баян особо скучал без нас. Уже выходя из подъезда, я услышал звуки, совершенно чужеродные для этого тихого дворика. Неподалеку, на лавочках сидели вездесущие старухи и настороженно глядели в сторону нашего штабного автобуса.

Подшли поближе – так и есть: водила наш сидит на ступеньке автобусной двери и согревался растягиванием мехов своего инструмента. Не знаю, есть ли такое понятие – «расстроенный баян» – но звучало все именно так. И мелодия, вроде, знакомая, только никак не желала она складываться в нечто цельное. Музыка вздрагивала, спотыкалась, взвизгивала, чем-то напоминая манеру исполнителя водить автобус. Сразу стало жаль несчастных детей, да и самого Баяна – уж больно он старался...

– Сигнализация в порядке, – хихикнул Хиляк.

– Только не смейтесь над ним, – сказал Крот. – Не то в аварию попадем.

– По дереву, по дереву постучи! – воскликнул Клоун.

Я вжал голову в плечи и посмотрел на старух: каково им зрелище небритого лысого аутиста, играющего с куклой. Но бабки не смотрели на нас: они были увлечены баянистом.

Увидев нас, Баян встал, нехотя отложил инструмент и полез на водительское место. Мы погрузились. Автобус откашлялся и завелся. Старухи проводили нас долгими взглядами.

В ответ, прильнув к стеклу, пялился и кривлялся Клоун.

7

Некоторое время кружили по городу: подозрительный Крот запутывал следы. В концах, все-таки, умудрились вляпаться в «пробку». Теперь из окон открывался прекрасный вид на все многообразие мирового автопрома: от любовно украшенного наклейками и занавесками «ушастого» «запорожца» до «хаммеров» и «ягуаров». Жаль, отсюда не видно, как в салонах и тех, и других одинаково закипает человеческая ярость...

– Доигрались! – ворчал Баян, под яростный скрежет коробки передач. – Теперь часа полтора будем дергаться, как параличные!

– Не драматизируй, – спокойно сказал Хиляк. – Мы никуда не торопимся. Заглуши мотор и включи «аварийки». Хороший повод, чтобы провести совещание...

Что еще хорошо в нашем автобусе, помимо мощности двигателя и водителя – так это плотные черные шторы на окнах. Всегда можно скрыться от назойливых картинок улицы и быстро организовать вполне рабочий интим.

Так поступили и на этот раз. Зажглись над головой тусклые электрические лампочки. Говорить о зловещих и темных вещах лучше в полумраке.

Хиляк, Крот и я усадились за стол. К нам присоединился... По инерции я продолжал думать, что Кум. Но странная правда заключается в том, что пока на руке его паразитирует кукла – о существовании Кума можно забыть. Он пребывает в полусонном состоянии, и рот открывает только тогда, когда есть что сказать Клоуну.

Итак, Хиляк, Крот и Клоун – моя странная команда по спасению уродов от нормальных людей.

Такая уж мне досталась судьба. Неожиданно посетила тоска по дому, по, телевизору и уютной Томе. Суевливо прогнал вредные мысли прочь. Дело – прежде всего.

В стороне что-то тихонько наигрывал Баян – на этот раз, как ни странно, не столько раздражающе. Мы же, склонившись над столом, пытались составить картину происходящего и вывести собственную роль в намечающемся пасьянсе.

– Для начала, – говорил Хиляк, – нам нужно ограничить зону поиска. Клоун быстро выведет нашего анимала на чистую воду...

Он выложил на стол тонкую стопку листов и шелкнул авторучкой.

– Ну, во-первых, давайте отсечем высших и средних иерархов, – сказал Крот. – Клоун всех их прекрасно знает.

– О, я их очень хорошо знаю, – сказал Клоун язвительно. – Иногда думаю – лучше бы я их не знал! Столько амбиций смешенных с подавленными комплексами неполноценности... Столько пороков, помноженных на несостоятельность...

– Клоун, мы знаем, что пороки слабаков – твой конек. Однако, давайте-ка конкретнее... – скривился Хиляк. Он принялся выводить на листке какую-то схему.

– Итак, вероятнее всего, враг прячется на низовом уровне. Скорее – в «лягушатнике» – сказал Крот.

– «Лягушатнике»? – я вздрогнул, вспомнив бассейн.

– Уровень тех, кто не прошел инициацию или прошел ее частично, – быстро пояснил Хиляк. – Таких большинство. Считай, что это наш планктон. Он же – основа Контура...

Схема на его листке становилась все сложнее, но от этого не более понятной. Какие-то кружочки, квадратики, стрелочки...

– То есть, те, кто уже знает о Клане, но только стремится туда попасть... – предположил я.

– Именно, – кивнул Крот. – Из этих надо отсечь давних и проверенных. Это, может, и не очень правильно, но для начала необходимо. Тогда остаются самые «свежие», в основном Собиратели...

– Собиратели Жалости, – пояснил мне Хиляк.

И принялся мелко вписывать что-то в свои кружечки и прямоугольнички, подписывать стрелки и создавать все более запутанные связи. Я со страхом ждал, когда он предъявит эту абракадабру для всеобщего ознакомления.

– И из них в первую очередь – Подсевшие, – вставил Клоун.

Наступила пауза, словно болтливая кукла ляпнула невесть какую бестактность.

– Подсевшие? Кто это такие? – поинтересовался я.

– Те, кто попал в зависимость от жалости, – неохотно сказал Хиляк, хмуро глянув на Клоуна. – Не люблю говорить на эту тему.

– В зависимость? – повторил я. – А как можно «подсесть» на жалость?

– Ха-ха – проще простого! – язвительно сказал Клоун. – Даже сильные становятся жертвами жалости. Что может быть приятнее, чем порыдаться тайком от жалости к самому себе? жалость – наркотик покруче героина! И особенно – концентрат жалости!

– Вот это да... – пораженно произнес я. – Хиляк, а почему ты мне об этом не рассказывал?

– Не было времени, – буркнул Хиляк. – И чего бы я стал тебя запугивать? Мне нужно, чтобы ты работал на Клан... То есть... Клоун, черт, ну зачем ты эту тему вообще поднял?!

Он раздраженно скомкал свою схему и кинул в угол, где валялось запасное колесо.

Крот смущенно опустил взгляд. Видимо, с этой проблемой у Хиляка что-то связано. Иначе, отчего такая болезненная реакция?

– Прости, друг, – примирительно сказал Клоун. – Но от фактов не скроешься. Может, дело именно в концентрате?

– Это вариант, – признал Крот. – Наркоконтроль уже напрягался темой концентрата. Правда, там тогда не поняли, о чем идет речь. Может, ветер оттуда дует?

– Ладно, проверим, – сказал Хиляк. Он уже успокоился. Вроде как забыл уже про недавнюю неловкость.

– Все это здорово, – говорю. – Но как вы представляете – собрать данные на стольких людей?

– На этот случай и существует информационный центр, – сказал Крот.

– Клан же, вроде, не пользуется компьютерами? – усомнился я.

– Клан – нет, – признал Хиляк. – А контурные метки – да.

Контурные метки – это люди, составляющие Контур. Вроде того прокурора, которого я завербовал в качестве Ловца.

В этих рассуждениях есть определенная логика. Хотя я больше полагаюсь на опыт старых вояк Клана. Но у меня есть вопрос, который давно не дает мне покоя:

– Ну, ладно. Допустим, обнаружили мы вражеского лазутчика, нашли анимала в наших рядах. И что с ним, с этим анималом, делать? На куски его порезать и в унитаз смыть?

– Звучит, конечно, образно! – обрадовался Клоун. – И наверняка эффективно! Только это не наш метод, парень!

– Это потому, что мы такие благородные? – устало спросил я. Слишком много информации за столь короткое время, я не привык к такому графику.

– Мы просто слабые, – грустно сказал Хиляк. – А потому наши способы борьбы отталкиваются от нашей же слабости. Обнаружив опасность, мы просто обрубаем связи – как ящерица, которая отбрасывает хвост. И пусть там разбираются – кто такие, что за Клан...

– Конечно, и милиция, и ФСБ знают, что есть где-то какой-то Клан, – Крот принялся терпеливо объяснять. Теперь уже он взял ручку и принялся задумчиво выводить на бумаге бессмысленные круги и спирали. – Но не забывай – Контур захватывает и эту организацию. И дела, где мы упоминаемся – мягко, бесшумно сливаются в архив. Ведь мы ни за что не боремся, ни на что не претендуем, ничего не пытаемся отобрать у сильных. Мы даже не пытаемся где-

либо ставить «своих» людей. Все, кто становится членами Клана – это их собственное порождение, мусор, сточные воды самих этих структур и организаций. Мы им настолько НЕ ИНТЕРЕСНЫ, что на нас жаль тратить время. И мы, как тараканы, доедаем объедки...

– Мне больше нравится формулировка – «как санитары», – обиженно сказал Клоун. – Так приятнее думать!

– Конечно, это же из нашей официальной доктрины, – усмехнулся Хиляк.

– У Клана есть доктрина? – мне стало любопытно.

– И собственные идеологи. Более того – у нас свои ученые, научные работы, дискуссии...

Очень бурная внутренняя политика.

– Не даром Владыка так секретничает с нашей проблемкой, – заметил я.

– Думаю, он всерьез не доверяет Кругу, – хихикнул Клоун.

– В чем?

– В чем угодно. Ты так мало знаешь... А ведь жизнь Клана – это калька мировой политики сильных. Только ущербная, а оттого еще более извращенная и мерзкая. У нас все, как у сильных – заговоры, перевороты, революции. Случаются и убийства, в том числе на политической почве.

– У слабаков?!

– Ты даже не представляешь, какая жестокость просыпается в слабаках, когда они чувствуют себе равную, или, того хуже – более слабого, – Клоун, казалось, смаковал подробности, закатывал глаза и потирал маленькие лапки. – Об этом, конечно, не принято говорить, но... Среди слабаков время от времени просыпается такое зверство, что позавидовали бы и анималы.

Клоун расхохотался мелким неприятным смехом, и в такт ему затряслись, зазвенели бубенчики на маленьком колпаке.

– Но это ужасно!

– Это расплата за плюсы, которые дает Клан, – философски заметил Клоун. – Апартеид в любых его формах всегда требует расплаты...

Стеклянные глаза сверкнули недобрым блеском. Глядя в них, я понимал, что все глубже погружаюсь в странный, болезненный мир слабаков. Не могу сказать, чтобы это было приятно. Но, я чувствовал, как все это затягивает меня, суля новые возможности, дразня невиданными раньше перспективами.

Мир гадких утят, навсегда оставшихся гадкими, но выбравших друг из друга собственных лебедей и клюющих собственных, еще более гадких утят...

Клан создал собственную вселенную, с собственной системой координат, собственной моралью, собственными целями существования. Я многого еще не понял, но чувствую, как мне становится все уютнее среди слабаков, и с какой настороженностью я начинаю относиться к сильным.

Говоря прямо – к нормальным людям.

Стеклянные глаза продолжали гипнотизировать меня, обещая ответы на все вопросы, подталкивая меня вперед – наверное, к новым, непознанным вершинам.

Или к новому краю.

8

Как я и предполагал, информационный центр Клана мало походил на то, что принято называть этим словом в наше динамичное время. Ни современных плоских мониторов, ни пугающих, как змеи, клубков кабелей, ни гула вентиляторов, ни копающихся в компьютерных кишках инженеров и прочих системных администраторов. Напротив – тишина и мертвенный покой, как в недрах египетской гробницы.

Собственно говоря, это и есть гробница – гробница никому не нужных книг.

Библиотека. Говоря точнее – подвальный фонд, в котором на бесконечных длинных стендах покоится заживо погребенная мудрость человечества. Хотя, если честно, не все воспроизведенное на бумаге я рискнул бы назвать мудростью...

Сюда мы спустились втроем с Хиляком и Кротом. Клоун остался в автобусе: сказал, что боится подземелий. Меня уже успели утомить странности этой куклы...

Хиляк, не спеша, прошелся между стеллажами, снял с полки какую-то растрепанную брошюру. Полистал, хмыкнул:

– О, автореферат диссертации: «Влияние уголовно-блатного жаргона на формирование современной российской политической ментальности...» Если бы я защитился на таком дерьме, тоже, наверное, спрятал бы все концы в подземелье!

Небрежно закинул брошюру на место.

Вот он, Контур, в работе: Клан не знает никого из руководства книгохранилища. Но охранник – наш человек, а потому мы спокойно разгуливаем в святая святых и без спросу читаем столь глубоко запрятанные книжки. По мне, так самые интересные, удивительные вещи творятся на поверхности. Только вот слабакам доступ к ним закрыт. Потому мы и создаем наши маленькие постыдные тайны: хоть какая-то иллюзия собственной значимости.

– Доход, ну где же ты? – позвал Крот. – Хватит прятаться, выходи!

– Почему – Доход? – спросил я. – Деньги здорово делает?

– Потому что – Доходяга, – пояснил Хиляк. – Так короче. И ему приятнее...

– Ну-ну... – пробормотал я.

Из-за ближайшего стеллажа, показалось нечто странное, что я поначалу принял за привидение. В воздухе, направляясь в нашу сторону, медленно плыла высокая, не очень устойчивая стопка книг. Я невольно сделал шаг назад.

– Доход, вот ты где! – воскликнул Хиляк.

Стопка закачалась – и рассыпалась на составные части. За нею оказался молодой человек с бесформенной прической и трагическим взглядом на сером плоском лице. Какой-то обвисший свитер времен Перестройки, воротник рубашки, наполовину торчащий из-под него, мешковатые брюки со следами «стрелочек»... Да, прозвище весьма уместное.

– Зачем так кричать... – грустно глядя на рассыпанные книги, сказал Доходяга. – Я и так шел в вашу сторону.

– Ну, извини, – развел руками Хиляк. – Давай, помогу собрать...

– Нет, уж! – обреченно ответил Доходяга. – Как вы мне поможете? Я целый день искал эти книги, складывал определенным образом...

– Так сложим опять! – сказал Крот, сгребая книги в кучу.

– Я уже забыл, по какому принципу их складывал, – уставившись в пол, сказал Доходяга.

Казалось, жизнь потеряла для него всякий смысл. Мне стало очень жалко Доходягу и стыдно за то, что мы так неаккуратно вторглись в его очень важную, кропотливую деятельность... Нет, я понимал, конечно, что это чушь полнейшая, но избавиться от жалости не мог. Более того: еще немного – и я просто погружусь в жалость, начну упиваться ей, как водой в горячей пустыне...

Вздрыгнул – будто очнулся.

Жалость. Какое интересное, оказывается, явление... Похоже, я уже начинаю переосмысливать свое отношение к ней.

Не обращая внимания на жалобы Доходяги, Крот сложил книги стопкой и бодро похлопал по ней:

– Вот, Доход, все, как было!

– Точно? – Доходяга вздернул брови.

– Даже не сомневайся! – заверил Крот и не без труда поднялся со стопкой на ноги. Озабоченно выглянул из-за книг. – Куда нести?

– К столу, – ответил Доходяга и покорно поплелся вслед за Кротом.

Тот шел какими-то пьяными зигзагами, один раз был близок к падению, но, все-таки, дотащил свою ношу до огромного стола, и без того заваленного бумагами. К сумеречному мерцанию немногих ламп «дневного света» здесь добавлялся желтый круг настольной лампы, делая это место ярким островком в неприветливом море теней. Туда направились и мы с Хиляком.

– Как жизнь, дружище? – поинтересовался Хиляк у Доходяги.

– Разве это жизнь? – скривился тот. – Жизнь там, наверху. А здесь – жалкое крысиное существование...

– Ну, что ты такое говоришь! – Хиляк ободряюще похлопал Доходягу по плечу. – Ты же большой человек в Клане! Разве тебе плохой оклад начисляют?

– Что толку в окладе, если нет никакого желания его тратить? – Доходяга дернул костлявым плечом.

– Оклад? – я искренне заинтересовался. – Клан, что – кого-то на окладе держит?

Честно говоря, почему-то, раньше не задумывался об этом. С подачи Клана я устраивался на нормальную работу, получал зарплату. Хиляк что-то подкидывал время от времени – «на текущие расходы». Да и сама идея Контура предполагает, что каждый зарабатывает на своем месте – за исключением, разве что, высших иерархов. Меркантильная сторона дела меня до сих пор не интересовала. Конечно, мы все здесь бьемся «за идею», но...

– Потом, потом! – Хиляк укоризненно посмотрел на меня, сделал большие глаза: «заткнись, мол!»

Я заткнулся. С этими слабаками надо следить за каждым своим словом. Обижаются ни с того, ни сего, злятся по любому поводу, грузятся какими-то идиотскими мыслями, «зависают», как старый компьютер. Это я по себе знаю: всегда ищешь в чужих словах какой-то скрытый смысл, подвох. Будто есть кому какое-то дело до твоего безумно богатого душевного мира.

За это я слабаков терпеть не могу.

И себя – в том числе.

– К тебе важное дело, – сказал Хиляк, передавая Доходяге мятый листок с записями. – Надо прошерстить картотеку по этим признакам. Нам нужен внятный список имен и адресов...

– Легко сказать – прошерстить картотеку, – проворчал Доходяга, расправляя на столе листок.

Я заглянул ему через плечо. Это был тот самый лист – скомканный и выброшенный Хиляком. Теперь, когда на нем еще и отпечаталась чья-то грязная подошва, в запутанных схемах вообще было ничего не разобрать. Но Доходяга лишь приподнял брови и кивнул:

– А, так это без проблем. Я-то думал...

Не зря ему, наверное, платят оклад.

Клан недолюбливает компьютеры. И тем более, разного рода сети, в особенности Интернет. Всеобщая доступность информации, опасность вирусов и любопытных глаз сводит «на нет» все усилия по сохранению тайны.

Старая добрая картотека – вот где надежнее всего хранить информацию. Египетские папирусы пролежали в песке тысячи лет – и были прочитаны. А новейшие базы данных каждый день сжигаются вместе с «винчестерами», крадутся по проводам, пожираются электронными паразитами. Нет-нет, увольте!

А где надежнее всего спрятать такую картотеку? Конечно же, там, где ее никто не будет искать. В самой скучной картотеке самого скучного архива.

Собственно, Клан так поступает всегда: то, что вы считаете никчемным – для нас настоящая находка. Потому мы ездим на самых неприметных машинах, работаем на самых непрестижных должностях – и вполне довольны своим существованием.

Пока нас не замечают, мы тихо делаем свое дело.

– Так, так... Посмотрим... – бубнит Доходяга.

Все-таки, насчет компьютеров я хватанул. Вот, у Доходяги есть компьютер. Правда, такой, которому не страшны ни вирусы, ни сетевые хулиганы, ни зоркие глаза «органов».

Огромный шумный ящик, безо всяких «си-ди-ромов», без «мыши» и прочей научной фантастики, выпученный зеленый монохромный монитор, от мерцания которого моментально начинают болеть глаза, массивная и порядком раздолбанная клавиатура...

– «Robotron», – с удивлением читаю на панели. – Что это за зверь такой?!

– Антиквариат! – с уважением сказал Крот. – Эвээм, не хухры-мухры!

– Только непонятно ничего, – сказал я. – Какие-то цифры, закорючки...

– «Бейсик», небось, – смакуя слово, произнес Крот.

– Только что-то ни имен, ни адресов... – у меня уже устали глаза от непривычного вида монитора.

– Так в картотеке все, – пояснил Доходяга. – Здесь только коды разделов, номера ящиков... А расшифровка в другом месте.

– Где? – невинно поинтересовался я.

– Здесь, – Доходяга коснулся головы.

– Он у нас очень ценный кадр, – заметил Хиляк.

Столбики цифр на экране неторопливо обновлялись. Наверное, самый дешевый сотовый телефон мощнее, чем эта груда железа. Забавно: у нас, оказывается, и компьютер – такой же слабак! Ничего не скажешь: полноценный член Клана...

– Так... – протянул Доходяга, разглядывая побежавшую по экрану строку с символами. – Вроде, готово. Сейчас распечатаю только...

– О, нет, только не это! – схватился за голову Крот и отошел в темноту.

– А что такое? – поинтересовался я.

Тут заработал принтер, и по высокому, на уровне ультразвука, скрежету стало понятно – игольчатый. А Хиляк сказал:

– Говорят, Крот из милиции ушел из-за того, что у них целый день такой звук стоит. Сколько ни просил, чтобы поставили лазерный или там струйный принтер – начальство ни в какую. Вот и сдали нервы у человека.

– Это понять можно, – кивнул я.

– Это что, – сказал Доходяга, и его голос с трудом пробился сквозь надсадный рев принтера. – У нас в читальный зал как-то муха залетела. И целый час жужжала, жужжала... То, вроде, тишина наступила – а тут она снова за свое! Так один аспирант не выдержал: схватил стул за ножку и принялся по столам скакать и крушить все, что под руку подвернется. Так разошелся – там не только мухе досталось... Говорят, он три года диссертацию дописать не мог, бедняга...

– Бывает, – легко сказал Хиляк.

Принтер, наконец, заткнулся, и Доходяга выдернул из лотка распечатку.

– Подождите меня, – сказал он. – Я наверх, в каталог поднимусь. Один, чтобы вы лишний раз не светились...

Доходяга вернулся с длинным лотком под мышкой. На лицевой стороне, там, где была прикручена маленькая ручка, виднелась табличка с крупной буквой «Я».

– Здесь данные по свежим кандидатам в члены Клана, – пояснил Доходяга. – Сейчас посмотрим...

Мы сгрудились вокруг стола. Понимая, что от меня пока толку мало, я уселся прямо на стол, привалившись спиной к книгам. Удобство сомнительное, но все же...

Было интересно – как же в обычном алфавитном каталоге прячется тайная информация по членам Клана?

А Доходяга быстро перебирал карточки длинными сухими пальцами, время от времени сверяясь со списком и бормоча себе под нос что-то, одному ему понятное. Одну за другой он извлекал карточки из лотка, пока на столе не оказалось их около десятка.

Я вытянул шею, но не увидел в карточках ничего выдающегося. Взял одну из них – которую зачем-то пододвинули в мою сторону, прочел:

«Яшин Н.С. „Культурно-массовая работа в пенитенциарных учреждениях“». Спрашиваю:

– Что такое «пенитенциарное учреждение»?

– Тюрьма, – отвечает Крот.

– А какое это имеет отношение к Клану?

Вместо ответа Крот подошел, притянул карточку к себе, повернул ее пустой стороной кверху и щелкнул кнопкой маленького фонарика.

Как в волшебной сказке, на картоне возникли синие светящиеся буквы.

– Краска, чувствительная к ультрафиолету, – пояснил Крот и повертел фонариком. – Все очень просто...

Я успел прочитать:

№ 541350

БЛИЗНЕЦ

В рядах с 11.09.2... г.

Введен Хиляком (№ 430706)

Уровень 2.

Ловец.

Проживает:...

Ниже шел какой-то мелкий текст, но прочитать его я не успел: Крот мягко отнял карточку.

– Здорово... – проговорил я. – Уже и я здесь. А кто обновляет данные?

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами Доходяга. – Это уже вне моей компетенции.

– У нас не принято выходить слишком далеко за собственные рамки, – сказал Хиляк. – Чем меньше связей, тем плотнее ряды. В случае чего Клану легче отбрасывать хвост, понимаешь?

– Понимаю... А почему номер шестизначный? За всю историю нас меньше миллиона было?

– Бессмертных среди нас тоже нет... – философски заметил Доходяга. – Кто-то приходит, кто-то уходит. Чего ж номеру пропадать?

– Нашли на чем экономить, – пробормотал я и поежился. Как-то не очень приятно что-либо донашивать за покойником. Пусть это даже всего-навсего номер...

– Не бери в голову, Близнец, – добродушно сказал Хиляк. – У многих номера чужие. Если хочешь знать, это даже хорошо: какая-никакая, а преемственность поколений. Что может слабак слабаку передать? Вот только свой номер...

– Все это лирика, – заметил Крот, собирая карточки в аккуратную стопку. – Однако давайте посмотрим, какая у нас картинка складывается.

Он уселся на единственный стул, Хиляк же встал у него за спиной с ультрафиолетовым фонариком. Доходяга уселся на стол рядом со мной и сник – будто у игрушечного зайца «завод» кончился.

– Ну, что ж, приступим, – сказал Крот, деловито сплюнул на пальцы и принялся перебирать карточки. – Итак, кандидатура первая: Добряк, введен в ряды братьев два месяца назад с подачи Хорька...

– Хорька я знаю, – заметил Хиляк. – Отличный Ловец. Получше меня будет – столько народу в Клан натащил...

– Так, может, дело в его неразборчивости? – сказал Крот и продолжил. – Так, Добряк... Угу... Слабак божьей милостью, не женат, работает смотрителем детской карусели в передвижном парке аттракционов «Ромашка». В проявлении нетипичной активности не замечен...

– Простите, – не выдержал я. – Что значит – «слабак божьей милостью»?

– Это значит – природный слабак, вроде нас с тобой, настоящий. Вроде, как «истинный ариец» в «Щтирлице». Древняя формулировка, не меняем из уважения к традиции. Сразу же про нетипичную активность: это то, что могло бы выдавать в нем скрытого анимала.

– Это я как раз понял.

– Хорошо, – сказал Крот, – тогда продолжим. Мышка. Ведена в ряды братьев...

– Сестер? – усомнился я.

– Братьев! – сердито сказал Крот. – Это тоже традиция. Не мешай! Введена два месяца назад с подачи того же Хорька. Слабак божьей милостью, не замужем, воспитательница детского сада. В нетипичной активности не замечена. Примечание: в течение полугода занимала должность исполняющего обязанности директора того же детского сада.

– Это что, какой-то криминал? – зеваю.

– Еще нет, – сказал Хиляк. – Просто указание на возможность карьерного роста. Было бы подозрительно, если б из статуса И.О. она перешла в реальные директора. Для слабака это не типично.

– Еще бы, – вставил Доходяга. – В детских садах у нас невероятно конфликтные и пробивные женщины. Слабаку подняться нереально. Да и с детьми непросто...

– Да уж... – буркнул я.

– Дальше! – потребовал Хиляк.

– Плинтус, слабак божьей милостью... Введен Хорьком... Женат. Младший юрист районной налоговой инспекции...

Мне стало невероятно тоскливо от перспективы выслушивать одно и то же про этих скучных людей. Еще немного – и впаду в жесточайшую депрессию. Это у меня запросто.

– Слушайте, – говорю. – Крот, есть предложение. Ты ведь опытный кадр. Сам отсей все лишнее – и прочитай нам только тех, кого считаешь наиболее подозрительными!

– Клоуна сюда надо, – мрачно сказал Крот. – Он всех этих подозрительных за версту чует...

– А давайте возьмем карточки – и в автобус отнесем? – наивно предложил я.

Доходяга посмотрел на меня, как на сумасшедшего:

– Да вы что... Выносить что-то из архива?! Это же... Это же...

Слов у него не нашлось.

– Тогда придется переписывать, – пожал плечами Хиляк. – Копии сделать тоже не выйдет. А это работа, время...

– Да что той работы, – пожал плечами Доходяга. – Сотня личных дел, не больше. Приходите завтра, я перепишу – все равно ночью делать нечего.

Он помолчал, глядя на картотечный лоток, и спросил тихонько:

– А хотите знать, кого лично я считаю наиболее подозрительным?

Все уставились на него в ожидание продолжения.

– Того, – сказал Доходяга, – чьей карточки здесь нет. Что смотрите? Была здесь карточка – по номеру должна быть. А ее нет. Вот и думайте, что хотите...

9

Добрели до автобуса. Не знаю, как остальные, а я был разбит и подавлен. Теперь я понимаю, отчего Клоун не терпит подземелий. Даже вонь выхлопов и воронье карканье теперь стали милыми и приятными. И хмурый прохожий походил на Деда Мороза, и завывающая «Скорая помощь» превращалась в праздничный лимузин...

– А чего это «Скорая» у нашего автобуса встала? – нахмурившись, поинтересовался Хиляк.

Ему никто не ответил – все, не сговариваясь, прибавили шагу.

У автобусной двери нас встретил растерянный Баян. Он неуверенно топтался на месте, хлопал глазами и молчал.

– Ну! – Крот тряхнул его за плечо. – Что такое? Ну?!

– Что – «ну»? – придя в себя, насупившись, буркнул Баян. – Кум наш... того...

– Что – того?!

– Помер Кум. Во как...

– Как – помер? – ахнул Хиляк, схватившись за впалые щеки. Медленно осел, как подстреленный, прямо на асфальт.

Так я воочию убедился в том, что наставник мой – вовсе не бесстрашный ночной герой в плаще и шляпе, каким казался поначалу, а такой же слабак, как и все мы. Где-то лопнула струнка, заставлявшая его бодриться, шагать впереди и командовать. Теперь он сидит на асфальте – бледный, потерянный, беспомощный. И от этого становится еще хуже: нам, слабым очень важно, чтобы рядом был кто-то сильнее, кто знает, что и когда делать, у кого есть ответы на все вопросы...

Из глубины автобуса доносились приглушенные голоса, мелькали синие халаты. Прохожие останавливались, смотрели на происходящее со сдержанным любопытством. Крови, мозгов, кусков тел и разбитых вдребезги машин не было, а потому люди быстро теряли интерес и шли себе дальше.

Крот растерянно посмотрел на меня – словно я мог что-то решить в подобной ситуации. А ведь я готов был в штаны надуть с перепугу.

Наверное, опять свое дело сделала моя внешность. Но, все-таки, я не так хорошо знал покойного, чтобы предаваться эмоциям. А потому набрался храбрости и спросил водилу:

– А как?..

Собственно, только на это меня и хватило. Я упорно отгонял мысли о предстоящих допросах, о вызовах в милицию, о злых и бездушных следователях и не менее бесчеловечных врачах...

Баян же относился ко всему проще:

– А вот так: сидел, сидел он, сидел со своим Клоуном – потом – бац, упал, задержался – да и помер. Чего вы удивляетесь? Я же говорю – его еще в больнице предупреждали: не пей, родимый, не пей! Он ведь водку лакал, как воду, честное слово...

– А... Клоун как? – дрожащим голосом спросил Хиляк. Он ежился, будто его озноб бил.

Надо же, человек помер – и какой! Экстрасенс, можно сказать, ясновидящий, хоть и со странностями. А Хиляк за куклу переживает. Все у этих слабаков не как у людей...

– А Клоун... – Баян похлопал себя по карманам, достал мятую пачку «примы».

– У покойника в кармане взял, – пояснил он, прикуривая от спички. – Он не в обиде будет, царствие ему небесное...

Дохнул на нас вонючим дымом, подумал...

– Да, – говорит. – Кум, значит, упал уже, дергается, а Клоун смотрит на него и кричит, визгливо так: «Заберите меня отсюда! Я мертвецов боюсь! Заберите меня, заберите!» И разрыдался – аж мороз по коже. А потом и он затих. А вот и они, голубчики...

Мы невольно подались назад: по ступенькам спустился усталый пожилой врач, а следом – санитары. Они тащили носилки и выглядели крайне недовольными. Тело закрыто белой простыней, так что лица видно не было. Но когда носилки проплывали мимо, из-под простыни деревянно вывалилась рука.

Хиляк сдавленно вскрикнул: с посиневшей ладони, прямо нам под ноги, жалобно звякнув бубенчиками, соскользнула кукла.

Санитары не обратили на нас внимания, врач тоже. Загрохотали носилки, заталкиваемые в «перевозку», захлопали створки дверей...

Что-то заставило меня поднять куклу. Она была такой же мертвой, как и ее странный обладатель. Безвольно свисали маленькие ручки, голову заломило на бок, глаза уставились в небо и будто бы еще больше остекленели...

– Правильно, – прошептал Хиляк. – Возьми Клоуна. Без него нам все равно не справиться...

10

Хорошо, когда есть куда возвращаться – после самого тяжелого, хмурого дня, будничных неприятностей и промозглой погоды. Это просто здорово придумано: работа отдельно, дом отдельно. Счастливы те, у кого эти понятия не пересекаются: они лучше всех знают, что такое домашний уют, и что означает избитая поговорка «мой дом – моя крепость». Правда, телефон и Интернет способны лишить дом и этой функции: ни о чем не подозревающие граждане наивно впускают в святая святых всю мировую грязь, которая только способная литься по проводам и носиться в эфире...

Еще лучше, когда дома тебя ждут. Конечно, если это не судебные приставы.

Меня ждет моя Тома. А потому, перешагивая порог, я безо всякого сожаления отбрасываю к чертям все эти мировые проблемы, что свались на меня столь неожиданно. У меня есть дела поважнее...

– Какой-то ты озабоченный сегодня... – говорит Тома, склоняя голову к моему плечу.

– Начальство озаботило, – говорю.

– А-а... – понимающе говорит Тома и целует меня. Смотрит игриво-строго. – Погоди-ка! Я-то думала – это я твое начальство!

– Так и есть, – говорю. – Кое-кто пытается занять твое место...

– Так-так! – Тома садится на диване, уперев руки в боки, и смотрит на меня, будто выбирает способ расправы. – А ну, давай подробнее, не то я эту начальницу...

Мы любим эти игры – в ревнивых жен и мужей. Это обостряет отношения. И делает нас больше похожими на сильных.

Устраиваем семейную ссору. У нас она обычно переходит в драку на подушках, потом в вольную борьбу, ну а заканчивается – сами знаете, чем.

...Устало рассказываю, как прошел день. Тома только ахает и в ужасе закрывает лицо. Ей страшно за меня, ей жалко Кума, она переживает за мой завтрашний день. У нас нет секретов друг от друга. Какие могут быть секреты от человека, которого ты сам вытащил с того света? У некоторых народов считается, что после такого поступка ты в ответе за этого человека – он больше, чем просто родной...

Мы, слабаки, такие сентиментальные...

Проснулся посреди ночи в холодном поту. Рядом тихо посапывала Тома, но я чувствовал себя далеко от нашей уютной маленькой квартиры. Мне было не по себе, что-то не давало покоя, и я никак не мог сообразить – что со мной.

Тихо поднялся, прошел в коридор, на кухню. Включил воду. Стал пить – закрыв глаза, жадно, словно пытался напиться в прок. Подошел к окну, глянул на ночные огни...

Что со мной? Просто нервы? Дают знать вчерашние переживания? Вполне возможно, хотя жизнь преподносила и не такие сюрпризы.

Вернулся в прихожую. Медленно огляделся – и взгляд упал на мятую холщевую сумку. Руки сами потянулись к ней. Поднял, открыл.

Вот оно!

Клоун.

Сердце забилось чаще при виде этого мертвого куска ткани и поролона с глазами. Почудился какой-то шорох – я быстро спрятал куклу за спину. Предательски звякнули бубенцы. Воровато огляделся, попятился к ванной. Закрылся. Подумал – и включил воду. Сел на край ванны.

... Не знаю, что мною двигало. Наверное, все слабаки – в душе мистики. Всем нам хочется верить в потусторонние силы. Потому что именно они – виновники всех наших неудач. И у этих же сил можно просить прощения, умолять о помощи, поклоняться им.

Я не думал об этом. Просто взял и надел на левую руку Клоуна – как обыкновенную перчатку. С удивлением подумал: «надо же, как удобно сделано!» Пошевелил маленькими ручками, наклонил голову. Получилось так себе. Не так уж просто работать кукольником. Но ведь я и не собирался.

Потер пыльный бок Клоуна – след автобусного пола. Дохнул на глаза, протер полотенцем. Те сверкнули знакомым огоньком...

– Спасибо, так лучше, – сказал Клоун.

Боже мой, это происходит не со мной... Это просто дурацкий сон...

– Не спится? – спросил Клоун. – Ты не молчи, а то мне хреново. Я, считай, родственника потерял...

– Как это может быть? – тупо спросил я.

Клоун смешно пожал плечами:

– Все это спрашивают. Как будто я знаю – как? Это не тот вопрос, который стоит задавать.

– А какой же тогда стоит?

– Тот, что тебя действительно волнует... – Клоун раздраженно посмотрел на заполняющую ванну. – Искупнуться решил посреди ночи?

– Н-нет... Маскируюсь...

– Правильно, подружке лучше меня не показывай. – сказал Клоун. – Не все понимают. Я сам, вот, ни хрена не понимаю.

– Кто ты? Просто говорящая кукла? Воплощение души Кума? Демон?

Клоун мелко рассмеялся, весело дребезжа бубенцами.

– Не надо умножать сущности, – сказал он. – Сам подумай.

Думалось в такое время и в такой обстановке не очень хорошо. Особенно под взглядом странного потустороннего существа.

– Ты – часть меня самого? – тихо просил я.

– Уже теплее, – одобрительно сказал Клоун. – Но не то, не то ты спрашиваешь!

Что же спросить у этого монстра? Было желание сорвать говорящую перчатку и бросить ее в воду. Клоун будто прочел мои мысли и взвизгнул:

– Не смей! Дурень!

И сразу пришел нужный вопрос:

– Клоун, ты друг и ли враг?

– А кто ты сам для себя? – Клоун будто ждал этого вопроса. – Скажем так: я гораздо больший друг, чем те, кого ты считаешь друзьями.

– Что за намеки? – насторожился я.

– Ты спрашивай, спрашивай, – важно сказал Клоун.

И тут я понял, что хочу знать. И от этого вопроса по спине пробежали мурашки. Но если я начну бояться эту странную куклу – как же жить среди еще более странных и злых людей? Я завинтил кран, чтобы шум воды не мешала мыслям. И спросил осторожно:

– Отчего умер Кум?

Клоун перестал кривляться и дергаться. Наступила тишина – только слышно было, как одна за другой падают с крана тяжелые капли. Клоун уставился мне в глаза мертвым стеклянным взглядом.

И сказал:

– Надоел он мне. Скучно с ним было. Но ведь ты не заставишь меня скучать?

Часть вторая

Собиратели жалости

1

– ...А вот что еще я скажу вам, мои юные друзья! Если темной-темной ночью пойти в заброшенное общежитие вожатых, открыть тяжелую железную дверь, слева от главного входа – она будет жутко скрипеть, ее лучше заранее смазать – спуститься в глубокий-глубокий и темный-темный подвал и просидеть там до утра, без света, в полной тишине – вы встретите того, кого совсем не знали раньше!

Клоун говорил вкрадчиво, пугающе, но крайне увлекательно. По правде, он больше кривлялся. Но дети слушали его раскрыв рот.

– Только идти надо одному! Совсем одному... – замогильным голосом добавил Клоун.

– Кого ж там можно встретить? – испуганно спросила Маша, девочка с низкой темной челкой, под которой совсем было не разобрать глаз. – Неужели вампиров?!

Мальчишки захихикали. Правда, не очень уверенно. Клоун умел рассказывать истории, особенно убедительно у него выходили страшилки.

– Нет, маленькая глупенькая девочка, – покачал головой. – Вампиров ты прекрасно знаешь – из всех этих дурацких фильмов. А я говорю про того, кого ты совсем не знаешь.

– Приведение? – спросил какой паренек.

– Нет, не приведение, – хихикнул Клоун. – Хотя, как знать...

– Дух Утонувшего Вожатого? – насуплено предположил толстый мальчишка в панамке.

– И это навряд ли, – ответил Клоун. – Все гораздо страшнее.

Наступила томительная пауза. Дети, округлив глаза, смотрели в рот маленькому тряпичному чудищу.

– Там каждый встретит Самого Себя... – зловеще проговорил Клоун. – А знаете, каково это – целую ночь видеть себя таким, каков ты есть на самом деле?!

После секундного замешательства поднялся галдеж. Дети мигом разделились на сторонников этой истории и отчаянных противников. Клоун довольно потирал лапки.

Я даже не думал, что он окажется для меня такой находкой. Самому мне никак не удавалось наладить контакт с ребятами – а ведь обязанности вожатого в Обители никто не отменял.

Но как-то я пришел на утреннюю линейку не один. Посмотрел, как наиболее отличившиеся «пионеры» поднимают флаг – белый, с голубой волной и буревестником над ним. Нестройно простучали барабаны, потом отряды вместе с вожатыми разбрелись по сторонам. Ребята смотрели на меня без особого энтузиазма: наверное, я был самым скучным из всех вожатых. Или, напротив, третий отряд был самым активным, и слабаки-вожатые просто не попевали за своими подопечными – не зря ведь отряду то и дело требовался новый вожатый. Все расселись на крашеных деревянных лавочках: объявление программы на день – чистая формальность, соблюдать которую не обязательно, а проконтролировать выполнение – и вовсе невозможно.

И тут я достал из сумки Клоуна. Пробормотал:

– Сейчас, сейчас...

Я очень волновался, а оттого суетился и, к своему стыду, даже начал краснеть.

Первое любопытство на лицах мальчишек и девчонок тут же сменилось скукой. Они знали: все, за что бы ни взялся их вожатый, окажется неинтересным и глупым. Кто его знает

– может и здесь меня подводит внешность: от меня ждут чудес ловкости и захватывающих рассказов, веселья и песен под гитару. Как объяснить детям, что перед ними – законченный неудачник, который изо всех сил пытается исправиться? Детям плевать на внутренний мир взрослого. Им нужен пример – яркий, поражающий воображение. Ведь им еще только предстоит понять, что все они – такие же слабаки и недотепы. Но кто в это верит в двенадцать-пятнадцать лет?..

...Все-таки, мне удалось справиться с непослушной куклой и надеть ее на руку. Пошевелил ручками, головой.

Ничего не происходило. Встряхнул куклу. Что за наваждение: обыкновенная игрушка – и ничего больше! Будто не было того ночного разговора, будто не читала эта кукла моих мыслей, не пыталась манипулировать мной...

Будь я настоящим кукловодом, наверное, я бы как-то выпутался из ситуации. Но, черт возьми – я не знал, что делать!

Дети начали хихикать. И я понимал, что не я управляю этим смехом: смеются-то над идиотом-вожатым! Надо мной!

Все эмоции, что я сдерживал до сих пор, вдруг лопнули большим гнойным пузырем.

– А ну говори!!! А ну говори, скотина, двигайся!!! Не делай вид, что не слышишь меня, придурок с колокольчиками!!!

Я орал, вращал налившимися кровью глазами, тряс проклятого Клоуна, кажется, даже душил его. Дети с открытыми ртами ждали развязки. И она наступила.

– А-а-а!!! – заорал Клоун писклявым голосом. – Помогите! Уберите от меня этого сумасшедшего! Он меня задушит! Нет, он мне шов порвет – а я только после операции!!!

Отряд взорвался дружным хохотом. Честно говоря, я даже не ожидал такой реакции. Но еще не начал соображать здраво, а потому продолжал буйствовать:

– Ну, ты, гад, а! Зачем прикидывался, будто дохлый?!

– Да я просто пошутить хотел! Ты что, шуток не понимаешь? Я с тобой чуть инфаркт не заработал!

– Ты что несешь?! Какой у тебя может быть инфаркт, ты, наглый кусок поролона?!

– Какой-какой! Поролоновый!

– Да я тебе голову оторву!

– Тогда у тебя останется одна дырявая перчатка! Не будь идиотом! Дети! Я хочу кое-что рассказать вам! А!!! Скажите своему водителю, чтобы не откручивал мне глаз!

– Дядя Леша, пусть он говорит! – жалобно попросила курносая девочка с косичками.

– Ха-ха-ха! – заржала тройка оболтусов в баскетбольной форме. – Клево... Ну вы, дядя Леша, даете!

Мой импровизированный диалог с Клоуном имел оглушительный успех. На шум и смех сбежались дети из других отрядов. Получилось настоящее представление.

Ну, а потом Клоун взял инициативу в свои руки. Ему было, что рассказать детям – не то, что мне. Конечно, ребята были уверены, что таким нехитрым образом их разыгрывает водитель дядя Леша. Что ж, и на том спасибо.

Более того – Клоун с охотой пользовался вниманием публики. Будто вампир, он притягивал к себе взгляды и наслаждался реакцией на свои, прямо скажем, неоднозначные шуточки и истории.

Я без боя сдал свои позиции водителю странной, жутковатой кукле. По большому счету, он меня выручил, спас мою репутацию. Ведь дети ничего не заметили – их всегда притягивает необычное, то, что щекочет нервы и будит воображение...

Таким неожиданным образом я передал Клоуну заботу об отряде. Сидел себе в сторонке, размышляя о своих непростых проблемах – и мне совсем не мешало то, что говорил Клоун моими собственными губами...

Я совсем не заметил, как с ребятами из своего отряда подошел Крот. Он с изумлением смотрел на мои кукольные упражнения, и видимо, ему было что сказать. Только не при таком внимании публики.

Наконец, он не выдержал и вмешался в бесконечную тираду тряпичного болтуна. Обращался, однако, ко мне, тщательно избегая взглядов в сторону печатного «коллеги»:

– Нас к начальнику лагеря вызывают. Заканчивай балаган...

Откуда-то появился физрук Пал Ильич, подмигнул нам, «идите, мол, заменяю!»

– Ребята, нас с дядей Лешей к начальству вызывают! – выкрикнул Клоун. – В другой раз поболтаем! Пока-а!!!

Вновь обретенные поклонники отчаянно заколотили в ладоши, засвистели, завизжали. Успех был полный.

– Что ты творишь, Близнец? – укоризненно говорил Крот, пока мы шли по длинным, затхлым коридорам центрального корпуса. – Клоун – наша тайна. О нем даже Держатели не знают – а ты балаганы устраиваешь!

– Ну, извини... – буркнул я, пряча Клоуна в сумку. – Должна же быть от него какая-то польза – не только же ночные кошмары... Откуда он вообще, взялся?

– Это ты у Матвейча спроси, – сказа Крот. – Он нас познакомил...

– Угу, – кивнул я.

Хотя в голове засела упрямая мысль: «Нет уж, вы, как хотите, а Клоун у меня поработает. И на полную катушку...» А вслух спросил:

– Так, отчего, все-таки, умер Кум?

Крот поежился: вопрос был явно ему не по душе.

– Вот, какая тебе разница? Умер и умер. Больной потому что был...

Я не поверил. Слабаки плохо умеют врать. Во всяком случае – большинство из них.

– Ты что-то не договариваешь, – сказал я.

– Ты действительно хочешь знать правду? – вяло спросил Крот.

– А почему бы и нет? – буркнул я.

Крот остановился. Задумчиво достал мятую пачку сигарет. Закурил.

– Ладно, – сказал он. – Дело делом, а дружба – дружбой. Ты хороший парень. Я это вижу...

– Как же ты это видишь, – усмехнулся я?

Крот нервно дернул плечом:

– С тобой Клоун ведет себя иначе. У Кума он просто ненавидел детей... В общем... Высосал он Кума.

– Как?! – я слегка обалдел.

– А вот так, – мрачно сказал Крот. – Как паук высасывает муху. Присосется – и пьет ее, как коктейль – а та еще живая, дергается, крылышками трепещет, даже разговаривает... То есть, что я несу – мухи не говорят... Ты просто Кума не знал, каким он был раньше. Вроде тебя – молодой, румяный. Если хочешь знать – тебя точь-в-точь, как его нашли. Да только Клоун все это высосал...

– Он что же... Вампир?

– В некотором смысле. Кум просто не успел вовремя избавиться от Клоуна. Это не так просто: надо, чтобы тот сам выбрал себе другого хозяина...

Я посмотрел на Крота совсем другими глазами. Выдавил через силу:

– Ты знал – и ничего не сказал мне об этом?

– Интересы дела... – виновато пробормотал Крот. – Нам нужен Клоун, а Клоуну нужен хозяин. Кто виноват, что он выбрал именно тебя?

– Ну и сволочь же ты, Крот, после этого... – в сердцах бросил я.

– Я просто слабак... – потупив взгляд, сказал Крот. – Но все не так плохо: раскроем дело – придумаем, кому передать Клоуна...

– Да пошел ты! – выкрикнул я. – Я просто выкину его к чертям свинячим, да и дело с концом!

– Даже не думай! – покачал головой Крот. – Ничего не выйдет. Лучше не ссорься с ним.

Меня слегка трясло: воображение рисовало отвратительные по реалистичности картины: мерзкий клоун-паук, обхвативший волосатыми лапками мое лицо, с дьявольской улыбочкой сосущий мозг... Меня качнуло к стене.

Вырвало.

Крот нервно откашлялся в сторонке. А я стоял, облокотившись о стену, представляя себе иссохшего, опустившегося Кума и думал: «Почему это нельзя избавиться от проклятого паразита?! Почему его нельзя просто выкинуть?!» И сам же себе отвечал: «Да потому что Клоун уже проник в твою жизнь, взял на себя часть твоих проблем и обещает взять еще больше. Какой смысл избавляться от него именно сейчас? Давай позже, когда все немного утрясется...»

Я немного успокоился. В конце-концов, Кум столько лет сожительствовал со своим тряпичным демоном. Так что у меня есть время.

– Только Матвеичу не говори, о том, что я рассказал тебе, – виновато попросил Крот. – Он просто очень хотел, чтобы мы побыстрее нашли чужака. Он считает, что всеобщее благо важнее одного человека. И, наверное, он прав...

– А какое дело завхозу до всеобщего блага?! – зло выдохнул я, сплевывая и вытирая губы скомканным носовым платком. – Его дело – Обитель в чистоте содержать и кораблики клеить...

– Ну, ты это... Осторожнее про Матвеича... – испуганно пробормотал Крот. – Завхоз у нас... Это все-таки фигура...

– Ладно-ладно, извини, – сказал я, успокаиваясь. – Просто разнервничался.

– И ты уж меня прости, – примирительно сказал Крот. – Все будет хорошо, поверь. Кум – он сам виноват. Нельзя было так расслабляться...

– Не будем плохо о покойниках.

– Не будем, – легко согласился Крот и глянул на часы. – Тем более, времени у нас нет. Держатели, небось, уже собрались. Нас только ждут...

– Это еще зачем?

Крот задумался – и быстро достал вторую сигарету.

– Что-то не сложилось «наверху», – нервно закуривая, сказал он. – Кто-то с кем-то что-то не согласовал – и мы теперь вроде крайних. Назначили внутреннее расследование. Правда, нас хотят видеть, как свидетелей. Ты вообще можешь ничего не бояться – какой спрос с новенького?

– И здесь бюрократия, – пробормотал я.

Крот беззвучно рассмеялся, напустив дыма изо рта и из ноздрей.

– Ты даже не представляешь, насколько попал в точку! – загадочно произнес он и затушил сигарету об стену. – Пойдем?

2

Я все больше понимаю, почему для серьезных мероприятий Кланом выбрано столь необычное место.

Котлован бассейна окружен не только стенами, но и всей тощей земли, в которую вкопан. Ощущение же глубины, ямы должно, наверное, символизировать место слабаков в этом мире. Дно.

Только слабак может чувствовать себя в безопасности, зарывшись головой в песок. Ведь даже к страусу, строго говоря, это не относится.

...Как оказалось, Малый Круг уже собрался и терпеливо дожидался нас, вызванных в качестве свидетелей. Проявление нетерпеливости, недовольства, ярости и прочей начальственной атрибутики анималов для Круга нехарактерно. Подозреваю, что неугоднему члену Клана все равно воздастся сторицей – только тихо, незаметно и в гораздо более ужасной форме.

Ибо нет людей, более злопамятных и жестоких, чем невзрачные, безобидные с виду слабаки.

Впрочем, тогда я не задумывался об этом. Просто с любопытством изучал своих тайных хозяев.

Большой Круг Клана – это вроде съезда иерархов высшего ранга. И, насколько я знаю, последний проходил давно, лет пятнадцать или двадцать назад – когда анималы отчаянно, озверело делили государственную собственность. Тогда возникла нешуточная опасность, что слабаков просто выкинут из лодки и оставят подыхать с голоду. Зверские времена – и нравы соответствующие. Таковы они – легендарные девяностые. Что решил Большой Круг, и как слабакам удалось выжить – представляю себе довольно смутно.

Потому что здесь и сейчас мне придется иметь дело с Кругом Малым. Он ведает текущими делами Клана. По сути, он и воплощает его подлинную власть.

Правда есть еще и Владыка. Но как соотносится их компетенция – дело темное. В конце-концов, я не юрист, чтобы копаться в этих тонкостях. Что мне ясно, так то, что Круг этот состоит из пяти высших иерархов Клана – Держателей.

Собственно говоря, именно они исподволь и вершат судьбы нашего с вами мира.

На первый взгляд это кажется невероятным. Ведь с точки зрения обычного человека – они такие же ничтожества, неудачники, мусор, как я или, скажем, Хиляк. Но среди нас, слабаков, эти пятеро – самые сильные. По крайней мере, их авторитет и власть в Клане просто невероятны. Это странная логика, и, честно говоря, в голове моей до сих пор не укладывается.

Только вот, стоя перед ними на почтительном расстоянии, я ощущаю странную робость и совершенно необъяснимое желание лебезить и оправдываться. Хорошо, что лицо мое не выдает мерзких метаний слабой души. Спасибо Природе – да и родителям, конечно...

Вот они – сидят на тех же пластиковых стульях, за шатким столом, вполоборота к нам. Тихо беседуют – так, что не слышит даже любопытное эхо. Крот нервничает, Хиляк, расслабленно улыбаясь, смотрит поверх голов Держателей – туда, где над высушенной впадиной торчит доска трамплина.

Пока у меня есть возможность составить лишь поверхностное представление об этих пятерых. Крот, словно пытаясь загладить вину передо мной, тихонько поясняет:

– Вот этот, крайний слева – Угрюм. Наверное, потому что вечно мрачный, озабоченный. Поговаривают, его из армии уволили в звании майора. А он очень хотел получить полковника. С ним лучше не спорить – вечно зол и крут на расправу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.